

Переключение кодов в инфинитивной конструкции: русский — нанайский

Аннотация: В статье рассмотрен необычный случай переключения кодов в инфинитивной конструкции, засвидетельствованный в речи русско-нанайских билингвов. В конструкции с переключением кодов матричный предикат русский, а зависимый глагол включает нанайскую основу, нанайский показатель настоящего времени и русский показатель инфинитива; остальная часть инфинитивного оборота — на нанайском языке. Особенный интерес в этой конструкции представляет смешанная инфинитивная форма, не отвечающая ни правилам русского языка, ни правилам нанайского. В работе конструкция анализируется в терминах модели переключения кодов К. Майерс-Скоттон и рассматривается в свете более общей проблемы морфосинтаксической аккомодации глагола при переключении кодов.

Ключевые слова: переключение кодов, смешение кодов, русский язык, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, инфинитивные конструкции

Codeswitching in infinitive constructions: Russian — Nanai

Summary: The paper deals with a pattern of codeswitching in infinitive constructions attested in the speech of Nanai-Russian bilinguals. In these constructions, the matrix predicate is in Russian; the embedded verb comes from Nanai and takes the Nanai present tense suffix and the Russian infinitive suffix; the arguments of this verb come from Nanai. The mixed morphology of the embedded verb is the most intriguing. In the paper, I analyze Russian-Nanai infinitive constructions in terms of Myers-Scotton's model of intrasentential codeswitching. The data contribute to a more general problem of verb integration in mixed clauses.

Key words: codeswitching, codemixing, MLF-model, 4M-model, Russian, Nanai, Tungusic languages, infinitives

1. Введение

В статье будут рассмотрены некоторые особенности переключения кодов в инфинитивной конструкции на материале пары «русский язык — нанайский язык». Основная рассматриваемая модель переключения кодов выглядит следующим образом: матричный предикат русский, а инфинитивный оборот возглавляет нанайский глагол, оформленный русским показателем инфинитива.

- (1) Kondon-č'i эпэ-ј-ть/ надо
Кондон-LAT идти-PRS-*** ***
'Надо ехать в Кондон'. (vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan)¹

¹ Здесь и далее примеры оформлены следующим образом. Нанайские фрагменты набраны латиницей, русские кириллицей. Нанайские фрагменты глоссированы. Весь пример снабжается переводом на русский язык. После перевода в скобках указывается источник примера (условное название текста, из которого взят пример, или, для некоторых нанайских примеров, ссылка на опубликованные материалы). Все примеры с переключением кодов взяты из выборки текстов, которая подробно характеризуется в разделе 2. Глоссы везде наши. Для нанайского текста использована унифицированная упрощенная система латинской записи, в общих чертах схожая с кириллической стандартной нанайской орфографией.

Подобные примеры интересны с нескольких точек зрения. Во-первых, морфосинтаксические правила переключения кодов часто формулируются на уровне клаузы, а здесь мы имеем дело с конструкциями, пограничными между моно- и биклаузальными. Интересно, насколько они вписываются в общие ожидания. Первые ограничения на переключение кодов в инфинитивной конструкции были сформулированы в статье [Timm 1975]. На материале переключения между испанским и английским языками автор постулирует запрет на переключение между матричным предикатом и инфинитивом, ср.:

- (2) а. *They want a ven-ir
 3PL хотеть.PRS PREP приходить-INF
 б. *Quieren to come
 хотеть.PRS.3PL INF приходить
 ‘Они хотят прийти’. [Timm 1975: 478]

В дальнейшем было показано, что ограничение, видимо, менее жесткое и касается не всех типов инфинитивных конструкций и не всех типов матричных предикатов, см., например, подробное обсуждение в [MacSwan 1997: 218–231; 260–264] и цитируемые там работы.

Во-вторых, граница переключаемых фрагментов в нашем случае (в отличие от ()) проходит внутри словоформы: такие случаи сами по себе представляют интерес для теории переключения кодов. В-третьих, отдельной темой морфосинтаксических исследований в области переключения кодов является вопрос об интеграции глагола из одного языка в структуру другого (см. [Muysken 2000: 184–220]; [Myers-Scotton & Jake 2014; 2017]; [Alexiadu 2017], а также об адаптации глагола при лексическом заимствовании [Wohlgemuth 2009]). Эта тема требует особого рассмотрения, поскольку именно в этом фрагменте, как правило, возникает наибольший конфликт между грамматическими системами языков, вовлеченных в переключение кодов. Глагол задает аргументную структуру предложения, разную в разных языках, требует зачастую сложного морфологического оформления, разного для разных языков, и проч. Отмечалось, в частности, что иноязычные глагольные фрагменты в текстах с переключением кодов оказываются значительно более редкими, чем именные (ср. количественные данные по нескольким корпусам в [Myers-Scotton & Jake 2014: 3–4]).

Такие исследования обычно сосредоточены на финитной глагольной словоформе, здесь же речь пойдет об интеграции глагола в нефинитном употреблении. Интересно, оказывается ли она доступнее и подчиняется ли тем же правилам.

Особенно неожиданным кажется появление в глагольной словоформе перед русским аффиксом инфинитива нанайского аффикса настоящего времени.

Работа построена следующим образом. Вначале описан материал исследования (раздел 2). Затем кратко охарактеризованы типы инфинитивных конструкций, засвидетельствованные в анализируемом массиве текстов и смежные с ними явления (раздел 3). Следующие два раздела посвящены обзору инфинитивных конструкций в русском языке (раздел 4) и их эквивалентов в нанайском (раздел 5). В разделе 6 более подробно описаны формы, функционально наиболее близкие к русскому инфинитиву. Раздел 7 посвящен нанайскому суффиксу настоящего времени, который появляется в инфинитивной форме при переключении кодов. В разделе 8 данные нанайского языка анализируются в свете более общих представлений о морфосинтаксических правилах переключения кодов (преимущественно в терминах модели К. Майерс-Скоттон). В разделе 9 подводятся итоги исследования.

2. Материал исследования

Материалом исследования послужили записи, полученные от одного носителя горинского говора нанайского языка.

Горинский говор — один из наименее сохранных. Его носители проживают главным образом в селе Кондон Солнечного района Хабаровского края. Всего, по нашим оценкам, осталось около 20 компетентных носителей. Все они в совершенстве владеют русским языком. В повседневном быту говор практически не используется.

Носительница, от которой записаны тексты (далее VSG), родилась в 1932 г. в стойбище Сорголь — на территории современного села Кондон, упомянутого выше. Около трех лет училась в школе. По-русски до школы не говорила. Жила в Кондоне, выйдя замуж, короткое время на Амуре, потом вернулась и до настоящего времени живет в русском поселке Харпичан, примерно в 10 км от Кондона. Основным языком, на котором VSG говорит в последние годы, — русский. Ее дети, живущие в том же поселке, понимают нанайский, но не используют, муж-нанаец (носитель другого говора) умер примерно за десять лет до нашей первой записи.

Анализируемые тексты были записаны в 2011, 2012 и 2015 гг. в поселке Харпичан. Задачи и формат записей были одинаковы: VSG, по просьбе лингвистов, рассказывала о прошлом и описывала случаи из жизни на нанайском языке, время от времени переходя на русский. Общий объем записей в каждой из сессий — около 2–3 часов (всего ок. 8 часов), запись не сплошная, записывались сразу короткие тексты (тематически относительно цельные фрагменты). В необычной для VSG коммуникативной ситуации, когда ей пришлось рассказывать о себе на редко используемом нанайском языке лингвистам — носителям доминирующего русского, нам удалось записать не так много текстов полностью на нанайском языке. Большая часть записей — на русском языке или с небольшими вкраплениями нанайского (некоторые из них — это параллельные версии нанайских текстов или комментарии к ним), довольно много — с интенсивным переключением кодов. См. распределение в Таблице 1.

Таблица 1. Тексты, записанные от VSG

	записано (чч:мм:сс)	расшифровано (чч:мм:сс)	расшифровано (в клаузах)
русский (преимущественно)	4:06:11	2:09:23	2172
с интенсивным переключением кодов	3:19:55	1:02:21	1343
нанайский (преимущественно)	0:46:16	0:12:29	178
всего	8:12:22	3:00:33	3488

Интересующие нас употребления были извлечены из расшифрованной части записей (ок. 3 часов) — в основном, из группы текстов с интенсивным переключением кодов.

В рассмотрение попали все конструкции, для которых в русском языке мы бы ожидали структуры «матричный предикат + инфинитивный оборот», такие что матричный предикат в них русский, а на месте инфинитивного оборота составляющая, содержащая нанайские элементы (см. пример (1)). Аналогичных

конструкций с обратным соотношением (нанайский матричный предикат и русский материал в сентенциальном актанте) в текстах не встретилось.

В текстах было найдено всего 18 инфинитивных конструкций с переключением кодов, однако и на такой выборке достаточно хорошо видны их нетривиальные структурные особенности, которые будут рассмотрены ниже. У других носителей, за пределами этой выборки текстов, такие конструкции тоже встречаются, но очень редко.

3. Засвидетельствованные типы конструкций и смежные явления

Рассматриваемая структура с переключением кодов была зафиксирована для целого ряда матричных предикатов. Это:

- глаголы: *мочь, стать, начать, быть* в конструкции будущего НСВ, *бояться*;

- безличные предикативы: *можно, надо, нельзя, легко (легче)*.

Основной структурный тип инфинитивной конструкции с переключением кодов, засвидетельствованный в подавляющем большинстве примеров, иллюстрируется предложением (3):

(3) Надо *sā-ri-ть*\
*** *знать-PRS-****

‘Надо знать’. (vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan)

- матричный предикат русский (*надо*);

- инфинитивный оборот состоит полностью или частично из нанайских элементов;

- в его вершине — нанайский глагол, оформленный нанайским показателем настоящего времени (*sā-ri-*), к которому присоединяется русский показатель инфинитива (*-ть* или *-ти*).

Встретилось также два примера с другой структурой (один в конструкции с глаголом *быть*, другой с *бояться*), см. (4):

(4) *Ənə-j* *боится*\
идти-PRS ***

‘Идти боится’. (vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan)

- матричный предикат русский (*боится*);

- «инфинитивный оборот» состоит полностью или частично из нанайских элементов;

- нанайский глагол — вершина «инфинитивного оборота» представляет собой основу, оформленную показателем настоящего времени (*ənə-j*).

В выборке находятся примеры с разными по длине инфинитивными оборотами. Ср. одиночный инфинитив в (5а), с актантом (прямым объектом) в (5б), с сирконстантом в (6в).

(5) а. Думаю\ пойду/-ка. *Ээ* нуу... *Ənə-j-ть/* надо.
*** *** *** *идти-PRS-**** ***

Тамара\ *bāro-nʲ* клуба\ *сходить*.
*** *к-3SG* *** ***

‘Думаю, пойду-ка. Ээ нуу... Идти надо. К Тамаре в клуб сходить’. (vsg_120821_ns_Biografija3_rus)

б. *Adole-wa* *taonaži-i-ть* надо
сеть-ACC *расставлять-PRS-**** ***

‘Сети расставить надо’. (vsg_151013_ns_72_NazvaliDegde_rus_nan)

в. Тут я стала поправляться, *ulə* *žər-či-ть*

*** *** *** *** **хорошо** **есть-PRS-*****
 ‘Тут я стала поправляться, **хорошо** **есть**’.
 (vsg_151013_ns_80_KondonskijKlub_rus_nan)

В (6) более сложная внутренняя структура: глагол инфинитивного оборота сам вводит еще один сентенциальный актанта (на нанайском языке).

(6) **Хaj-wa** **žара-о-ri** **čupal** **otoli-i-ть** надо
что-ACC **брать-IMPS-PRS** **всё** **уметь-PRS-***** надо
 ‘**Что** **взять** — **все** **знать** **надо**’.
 (vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan)

В оборот могут входить и русские фрагменты, (7):

(7) Стали хитум-бэ хул= хулэ-j-ти/ **рядом**
 *** могила-ACC коп= копать-PRS-*** ***
 ‘Стали **рядом** **копать** **могилу**’.
 (vsg_151013_ns_74_BogatyjStarikUmer_rus_nan)

Таких примеров, однако, всего два: в обоих русские фрагменты — сирконстанты (адвербиальные выражения).

Во всех примерах, в которых в инфинитивный оборот входят актанта (7 примеров), они выражаются нанайскими словоформами, оформленными по правилам нанайской грамматики. Встретились, в частности, случаи, когда прямого соответствия между нанайской и русской моделью управления нет, в этих случаях выбирается нанайская модель. Ср. пример (8), в котором актанта при глаголе *in'əktə* ‘смеяться, насмехаться’ получает, в соответствии с нанайской моделью управления, актанта в творительном падеже. Русский глагол *смеяться* также имеет значение ‘насмехаться, высмеивать’ с выраженным объектом насмешки, однако этот участник вводится предложной группой с *над*, которую нельзя считать сколько-то регулярным соответствием нанайскому инструменталису.

(8) Тэj paj-ži in'əktə-j-ть нельзя
 тот человек-INS смеяться-PRS-*** ***
 ‘Над этими людьми смеяться нельзя’.
 (vsg_151013_ns_72_NazvaliDegde_rus_nan)

Инфинитивный оборот может предшествовать матричному предикату, как в примерах выше (9 примеров), или, как в (9), следовать за ним (7 примеров):

(9) Можно так там там žара-j-ти goj goj-wa
 *** *** *** *** брать-PRS-*** другой другой-ACC
 ‘Можно так там брать всякое разное’.
 (vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan)

Для дальнейшего обсуждения важно, что проиллюстрированные выше нанайские глаголы с русским показателем инфинитива можно однозначно интерпретировать именно как переключение кодов, а не как заимствование из нанайского в русский. Во-первых, тексты, в которых они встречаются, нельзя назвать текстами на русском (по соотношению русских и нанайских фрагментов русский в некоторых преобладает, но не радикально, а по замыслу рассказчика это тексты на нанайском языке). Во-вторых, предложения, в которых они встречаются, содержат русский матричный предикат, но довольно много нанайского материала (как сказано выше, аргументы при инфинитиве нанайские). В-третьих, в текстах на русском от того же носителя они не встречаются. Наконец, о полноценном заимствовании можно было бы говорить, если бы соответствующие глаголы встречались не только в формах инфинитива, а во всех русских глагольных

формах. Глагольных заимствований из нанайского в локальную разновидность русского, как кажется, ничтожно мало. Один из немногих убедительных примеров такого рода – глагол *чектэришь* (нан. *čəktəri-*) ‘кропить водкой или пить водку в ритуальных целях’. Он употребляется в русской речи (в т.ч. в речи не-носителей нанайского языка) в разных формах (*чектэрю, чектэришь, ...*). Можно ли говорить, что в данном случае глагол имеет ту же морфологическую структуру, что и глаголы с внутрисловным переключением кодов, наблюдаемые в рассматриваемых нами инфинитивных сочетаниях, т.е. что *-и* в *чектэришь* соотносим с нанайским показателем настоящего времени *-i*? Из общих соображений оснований постулировать там показатель настоящего времени скорее нет, но в данном случае это невозможно строго проверить, поскольку у этого глагола *-i* входит в корень и при присоединении показателя настоящего времени к корню, он на поверхностном уровне не выражается (о морфологической структуре обсуждаемых глаголов см. подробнее раздел 8.6). Глаголов же, которые были бы полноценными заимствованиями и при этом таких, что для них можно было бы с уверенностью определить, что они содержат / не содержат показатель настоящего времени, нам не встретилось.

В этой статье нас не будут интересовать встречающиеся в нанайских текстах конструкции с русским матричным предикатом и русским же инфинитивом, как в (10):

- (10) elan bea-do соблюдать **надо**
 три луна-DAT *** ***

‘Три месяца соблюдать надо’. (itg_20130311_ns_VeremennostjRodyObrjady)

Еще одно смежное явление, от которого следует отделить рассматриваемые конструкции, – это конструкции с модальным предикатом, заимствованным из русского языка. Такие конструкции встречаются в тунгусо-маньчжурских языках: так, они очень распространены в эвенкийском, см., например, подробное описание в [Рудницкая, в печати]. В эвенкийский язык из русского заимствуется предикат *надо*, сентенциальный актант при нем выражается одной из нефинитных эвенкийских форм², но не с эвенкийским глаголом, оформленным русским инфинитивным маркером, как в нашем случае, ср. (11):

- (11) [nuŋan-ma-n] **nada** [d'awa-mī] gu-šo
 3SG-ACC-3SG **надо** схватить-CVB.COND с к а з а т ь - Р Т С Р . А Н Т
 ‘Его надо поймать, — сказал [Бог]...’ эвенкийский (пос. Чиринда, Елдогир
 Валентина FM2 (Сказка о волке), <http://siberian-lang.srcc.msu.ru/>, цит. по
 [Рудницкая, в печати])

Для нанайского такие употребления, как в (11), нехарактерны. Употребления *надо* с нанайским зависимым в наших текстах есть, но единичны. В текстах от vsg таких два, одно с именным зависимым, другое с глагольным. В обоих случаях *надо* оформляется нанайскими именными маркерами – проприетивом и каритивом (букв. ‘с надобностью / без надобности’ в (12а) и локативом-дативом (букв. ‘в надобности’) в (12б). Сентенциальный актант в (12б) оформлен имперсональной формой, как при нанайском *galaj* ‘нужно’ (см. подробнее раздел 5).

- (12) а. žara-g-u, min-du хаж **надо-ko**,
 брать-REP-IMP.SG 1SG-DAT что ***-PROPR

² Вопрос о заимствовании vs. переключении кодов в эвенкийских конструкциях с *надо* – предмет отдельной дискуссии. В [Рудницкая, в печати] убедительно показано, что разные употребления *надо*, встречающиеся в эвенкийских текстах, следует трактовать по-разному: с русским инфинитивом, как в (10), – к переключению кодов, с эвенкийским зависимым, как в (11), – к бесспорным заимствованиям.

min-du əsi хaj=da **надо** ana təj
 1SG-DAT сейчас что=EMPH *** CARIT этот
 ‘Возьми, мне зачем надо? Мне сейчас ничего этого не надо’.
 (vsg_110813_ns_SonDocheriNachalo)
 б. ama un-ži-ni хaj **надо-do-ni** žara-o-ri=am
 отец говорить-PRS-3SG что ***-DAT-3SG брать-IMPS-PRS=QUOT
 ‘А отец говорит: зачем нам нужно его брать, мол’.
 (vsg_110813_ns_SundukVNevede)

Это совершенно иной тип конструкций, чем рассматриваемые, и он далее обсуждаться не будет.

Формально несколько больше похожи на описываемые в этой статье конструкции с русскими модальными предикатами, зафиксированные в медновском алеутском языке³. Ср. примеры (13а)–(13б), обсуждаемые в [Golovko, Vaxtin 1990: 110–111]:

- (13) а. ya aṣi-yu, **хасу** tiŋ huŋna-cā-t'
 1SG мерзнуть-PRS.1SG хотеть.PRS.1SG 1SG.REFL греть-CAUS-INF
 ‘Я мерзну, хочу согреться’. [Golovko, Vaxtin 1990: 110]
 б. saḥsaḥ akinā-it, **nada** ivo hupsī-t'
 бульон быть.горячим-PRS.3SG надо 3SG.ACC дуть-INF⁴
 ‘Суп горячий, надо на него подуть’. [Golovko, Vaxtin 1990: 111]

В них, как и в наших примерах, модальный предикат русский, основа зависимого глагола алеутская, показатель инфинитива *-ть* русский. Однако на структурном уровне это, как кажется, совершенно иное явление. В медновском алеутском из русского языка берется не только инфинитивный показатель, но и практически все показатели глагольного словоизменения. А большинство глагольных основ, за исключением вышеназванных модальных, берется из алеутского языка, ср. в (13) *aṣi-yu* ‘мерзну’ с русским показателем PRS.1SG, в (13б) *akinā-it* ‘горячий’ с русским показателем PRS.3SG. См. подробнее [Меновщиков 1964; Golovko, Vaxtin 1990; Golovko 1996]. Медновский алеутский – особый смешанный язык, сформировавшийся в очень необычных социолингвистических условиях (см. [Golovko 1994]), и инфинитивные конструкции (13) – естественная часть его грамматической системы, а не случай переключения кодов. Никакая из известных разновидностей нанайского языка, в том числе и представленная в обсуждаемых текстах с интенсивным переключением кодов, на статус отдельного смешанного языка с относительно стабильной единой грамматической системой, подобного медновскому алеутскому, или даже на статус смешанного идиолекта, не претендует.

4. Место инфинитивных конструкций с переключением кодов в классификации русских инфинитивных конструкций

Русские конструкции с инфинитивом синтаксически и семантически достаточно разнообразны, см. их подробное перечисление, например, в [Брицын 1990]. В этом разделе дается их краткий обзор, на основании которого ниже будут высказаны соображения о том, к каким именно типам тяготеют рассматриваемые конструкции с переключением кодов.

Инфинитив в русском языке может выступать в независимой клаузе (*Мне завтра рано вставать*), в зависимой клаузе с союзом (*поставил будильник,*

³ Большое спасибо анонимному рецензенту, обратившему на них мое внимание.

⁴ Глоссы наши.

чтобы не проспать) и в зависимой позиции без союза, нас будет интересовать только последний класс.

Бессоюзный зависимый инфинитив может иметь разные синтаксические роли: большая часть таких инфинитивов — актантные, но есть и сирконстантные или близкие к сирконстантным: целевые (*приехал учиться*)⁵, причинные (*рад познакомиться*). Актантные инфинитивы могут быть объектными (*хочу есть ~ хочу яблоко*) и подлежащими или по крайней мере близкими по части свойств к несентенциальному подлежащему (*жить хорошо*)⁶.

Инфинитивное зависимое допускают следующие основные семантические группы предикатов: фазовые (*начать, закончить* и под.), модальные (возможности, необходимости, желания: *мочь, нужно, хотеть*), предикаты восприятия, в т.ч. физического (*рад, весело, больно*), манипулятивные (*заставить, разрешить*), глаголы речи, примыкающие к разным семантическим группам (*сказать, велеть, обещать, просить*), имплицативные (*умудриться, успеть*), глаголы движения и изменения позиции (инфинитив цели).

Ключевой параметр в классификации русских бессоюзных инфинитивов — контроль невыраженного субъекта при инфинитиве. Контроль может быть субъектный (со стороны субъекта главного предиката: *он хочет уйти*); объектный (со стороны разного типа объектов главного предиката: *приказал мне уходить, поставил суп вариться*); произвольный (невыраженный субъект инфинитива — обобщенный или совпадает с участником речевого акта: *можно купить*). См. о контроле в разных типах инфинитивных конструкций [Пекелис 2002].

Для некоторых конструкций можно считать инфинитив средством оформления системы переключения референции. Например, при глаголе *хотеть* сентенциальный актант оформляется инфинитивом или финитной клаузой с союзом *чтобы* в зависимости от того, кореферентен ли субъект сентенциального актанта субъекту главного предиката: *хочу уйти* vs. *хочу, чтобы он ушел*. Для других конструкций это не так: например, для глагола *мочь* кореферентность субъектов и выбор инфинитива — единственная возможность⁷.

Инфинитивные конструкции различаются по степени грамматикализации. Среди них есть свободные сочетания и сильно грамматикализованные (такие, как аналитическая конструкция будущего времени, см. сопоставление этой конструкции по разным формальным параметрам с другими инфинитивными конструкциями, например, в [Стойнова 2017]), а также целый ряд промежуточных случаев (см., например, сопоставление конструкций с разными модальными глаголами по степени грамматикализации в [Холодилова 2015]).

Наконец, есть основания считать, что русские инфинитивные обороты не одинаковы по синтаксическому объему, см. противопоставление инфинитивных оборотов клаузального объема (CP) и оборотов, не образующих отдельной клаузы, объема глагольной группы (VP) в [Babby 1998]. В [Герасимова 2015; 2016] к разным типам русских актантных инфинитивных конструкций применен ряд синтаксических тестов, позволяющих выделить среди них даже не два, а три класса, различных по объему (наибольшего объема — CP, промежуточного — TP и наименьшего — VP). Основными тестами служат тесты на предпочтительную позицию отрицания (перед матричным предикатом или перед зависимым: *не стал*

⁵ См. обсуждение смешанных сирконстантных и актантных свойств русского целевого инфинитива в [Гусев 2004].

⁶ См., например, целый ряд синтаксических диагностик на подлежащий статус инфинитива при бесличных предикативах в [Летучий 2018].

⁷ Маргинально сочетание *мочь + чтобы* с некорреферентностью субъектов допустимо под отрицанием: *Не могу, чтобы у меня кто-то за спиной стоял*. [С. Алексиевич. Цинковые мальчики (1984-1994), НКРЯ]

говорить / [?]*стал не говорить*) и возможность лицензировать местоимение на – *нибудь* при разном порядке компонентов конструкции (*ничего не обещал публиковать* / [?]*ничего не нравится публиковать*). В этих же работах показано, что объем инфинитивного оборота (по крайней мере, до определенной степени) скоррелирован с типом контроля инфинитива и с семантическим классом матричного предиката.

Обратимся теперь к нашим данным по инфинитивным оборотам с переключением кодов. В них зафиксированы только актантные обороты и не представлен целевой инфинитив⁸. Встретился также инфинитивный оборот в составе сильно грамматикализованных конструкций с *быть* и *стать*. Среди семантических классов матричных предикатов представлены фазовые (*начать*, *стать*), модальные (*можно*, *надо*), а также предикаты *бояться* и *легко*, которые с некоторой долей условности можно отнести к экспериентивным. По типу контроля представлены конструкции с субъектным контролем и с произвольным, но не с объектным.

Что касается синтаксического объема, то кажется, что, по крайней мере, основная часть инфинитивных оборотов с переключением кодов — это обороты наименьшего объема — объема глагольной группы в терминах цитируемых выше работ. Оговорок требуют инфинитивы при модальных предикативах и при предикатах *бояться* и *легко*, которые в цитируемых выше работах не рассматриваются. При модальных предикативах, как кажется, имеет смысл постулировать произвольный контроль, но при этом малый объем инфинитивного оборота (такой же, как для модальных глаголов). Ср. основной тест на лицензирование отрицательного местоимения, описанный в [Герасимова 2015]. Он, похоже, дает одинаковые результаты, например, для *хотеть* и *нужно*: *он ничего не хочет менять* / *он не хочет ничего менять* и *ничего не нужно менять* / *не нужно ничего менять*. Равная доступность отрицательного местоимения перед матричным предикатом и перед инфинитивом ожидается для оборотов объема глагольной группы. Определение объема инфинитивного оборота при *легко* затруднено и требует дополнительного анализа, поскольку к нему с трудом применимы тесты на отрицание. Глагол *бояться*, судя по всему, скорее примыкает к группе модальных, чем к группе экспериентивных, и его инфинитивное зависимое также, видимо, имеет объем глагольной группы, ср. (14а) и (14б):

(14) а. ...человека, который никому не боялся говорить правду [Л. Н. Толстой. Греческий учитель Сократ (1885), НКРЯ]

б. ...я не боюсь ни в чем признаваться себе [А. А. Григорьев. Мое знакомство с Виталиным (1845), НКРЯ]

С некоторыми оговорками можно также сказать, что переключению кодов доступны те обороты, в которых инфинитив не выполняет роли маркера переключения референции (т.е. не конкурирует с союзной финитной зависимой клаузой, маркирующей разнособъектную конструкцию). Это может объяснить отсутствие в выборке, например, частотного матричного предиката *хотеть*. Недостаток этой формулировки в том, что она предсказывает запрет на матричный предикат *надо* (ср. *надо делать* и *надо, чтобы он сделал*), неоднократно встретившийся в выборке. Однако, строго говоря, неизвестно, возможно ли разнособъектное употребление в (достаточно специфическом) идиолекте носителя VSG. Очень может быть, что в ею освоены только значительно более частотные

⁸ Промежуточный статус, отчасти близкий к сирконстантному (причинному), можно усматривать разве что у инфинитива при глаголе *бояться*, встретившегося в выборке.

сочетания с инфинитивом⁹. По крайней мере, в записанных от нее русских текстах сочетания *надо* + *чтобы* не встретилось.

Следует учитывать, что примеров в выборке мало, поэтому сформулированные ограничения носят предположительный характер.

Ниже приведена Таблица 2 с комплексной классификацией русских актантных инфинитивных оборотов, основанная на [Герасимова 2015; 2016]. В таблицу добавлены два дополнительных столбца с информацией о том, можно ли считать инфинитив в данной конструкции средством переключения референции и информацией по конструкциям, зафиксированным в выборке инфинитивных оборотов с переключением кодов.

Таблица 2. Классификация русских инфинитивных оборотов и данные по переключению кодов

семантический класс матричного предиката	тип контроля	синтаксический объем оборота	инфинитив в системе переключения референции	засвидетельствован в конструкциях с переключением кодов
видо-временной <i>быть</i> , фазовые предикаты, модальные предикаты, глаголы речи типа <i>обещать</i> , имплицативные предикаты	субъектный	VP	нет	да
			да	(нет)
манипулятивные предикаты, глаголы речи типа <i>сказать</i>	объектный	TP	нет	нет
экспериментальные предикаты	произвольный	CP	по-разному	(нет)

⁹ Это предположение подкрепляется также тем, что русская система VSG с очевидностью находится под влиянием нанайской, а в нанайском языке самым нейтральным средством выражения смысла типа 'надо, чтобы' была бы не полипредикативная конструкция, а финитная форма имперсонала, см. раздел 5. Второй аргумент: известно, что для русских старожильческих говоров Сибири сочетание *надо* + *чтобы* нехарактерно (только *надо* + INF), см. [Блинова 1993: 172–173]. Район распространения горинского нанайского относится к территориям позднего заселения русскими (русские появляются там с сер. XIX в. и примерно до 30-х гг. XX века контактируют с нанайцами не очень интенсивно; массовое заселение этой территории русскими приходится уже на XX в., и это выходцы из самых разных регионов страны). В этой ситуации нельзя сказать, что русский язык местных нанайцев последовательно формируется под влиянием какого-то одного определенного русского говора, однако приведенный выше факт кажется все же неслучайным.

5. Аналоги русских инфинитивных конструкций в нанайском языке

В нанайском языке не существует единого эквивалента русским инфинитивным конструкциям. Некоторым из них соответствуют полипредикативные конструкции разных типов, некоторым, наряду с ними или исключительно, морфологические средства выражения. В полипредикативных конструкциях с сентенциальным актантом зависимый глагол, как правило, нефинитный, при нейтральном порядке слов занимает позицию перед матричным предикатом. Подробно о выражении сентенциальных актантов в нанайском языке см. [Герасимова 2006: 199–220] (в той же работе см. и о других типах полипредикативных конструкций). Ниже, чтобы дать представление об инвентаре средств, эквивалентных русскому инфинитиву, опишу те из них, которые соответствуют инфинитивным конструкциям, для которых в выборке текстов было зафиксировано переключение кодов.

1) Инфинитивной конструкции будущего времени никакой аналитической конструкции в нанайском языке не соответствует. Референция к будущему выражается синтетически — специализированной футуральной формой или формой настоящего времени.

2) Модальные и фазовые глаголы требуют формы одновременного деепричастия, примеры (15). Русским конструкциям с *начать* соответствуют также синтетические формы с инхоативными аффиксами *-lO* и *-psin*, очень частотными в нанайском языке (см. [Оскольская, Стойнова 2012]).

- (15) а. *эмүсэп хоні mutə-j ega-go-mi*
в.одиночку как мочь-PRS нести-REP-CVB.SIM.SG
'Как одна сможет отвезти?' (nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika.043)
б. *totara=tani jaja-m dərū-xən*
тогда=а камлать-CVB.SIM.SG начинать-PST
'А потом она начала камлать'. (sofser_bolezn.017)

3) При глаголе *бояться* выступает форма номинализации настоящего времени (см. подробнее раздел 7.2) с показателем инструменталиса или аккузатива, ср. (16а), или форма имперсонала настоящего времени (16б):

- (16) а. *mī boa-la ao-re-wa ηələ-či-əm-bi*
я на.улице-LOC спать-PRS-ACC пугаться-IPFV-ASSERT.NPST-1SG
'Я боюсь спать на улице'. (nsz, elicit)
б. и *nuči-du-əri buə ηələ-či-i bi-či*
*** маленький-DAT-P.REFL.PL мы пугаться-IPFV-PRS быть-PST
təj mō žakka-do-a-ni pulsi-u-ri
тот дерево рядом-DAT-OBL-3SG ходить-IMPS-PRS
'Маленькими мы боялись ходить возле этих деревьев'.
(sds_110811_ns_RodovyjeDerevja.007)

4) Русским инфинитивным конструкциям с модальными и экспериентивными безличными предикативами соответствуют конструкции с предикативными словами *aja* 'можно, хорошо', *ačāsi* 'нельзя', *gələj* 'нужно' (застывшая форма глагола *gələ-* 'искать, просить'), *žā*, *xən'u* 'легко' и др. При невыраженном обобщенном участнике зависимой ситуации они требуют формы настоящего времени имперсонала (17), (19) или формы одновременного деепричастия с имперсональным суффиксом (21) или без него (20), (18).

- (17) *gə, tuj əgži gasa-wa gažo-o-ri-ni kətu žā bi-ə-čin*
вот так много утка-ACC нести-IMPS-PRS-НАВ очень легко быть-NEG-PST
'А вот нести так много уток было не так-то легко'. [Оненко 1980: 176]
(18) *pulsi-m^l=də xən'u*

- ходить-CVB.SIM.SG=EMPH **легко**
 ‘Ходить легко’. (lkb_110822_ns_Muxu.062)
- (19) taʃeo-ʃe-**o-ri**=ma **aʃa**-ni=go əniə un-ʒi
 учить-IPFV-**IMPS-PRS**=EMPH **хорошо**-3SG=PTCL мать сказать-PRS
 ‘**Надо учиться!** — говорит мама’. (nikchub_bio.038)
- (20) əm mɑrɑ-kām-bɑ=dā xɑj-wɑ=dā
 один медведь-DIM-ACC=EMPH что-ACC=EMPH
 gələ-mǝʃi-ndə-**m**=dǝ **aʃa**
 искать-RECIP-PURP-CVB.SIM.SG=EMPH **хорошо**
 ‘**Нужно идти искать** одного медвежонка или какого-нибудь зверя’.
 [Аврорин 1986: текст 42(18)]

- (21) tʉri-wə nǝ-**u-m**=da **aʃa**
 фасоль-ACC класть-**IMPS-CVB.SIM.SG**=EMPH **хорошо**
 ‘Фасоль **можно класть** <в это блюдо>’. (gak_110806_ns_Bljudɑ1.030)

Слово *gəlaj* требует формы имперсонала с показателем аккузатива:

- (22) buə ʒalan-do-po-wɑ ədʒi-wə otoli-**o-ri-wɑ** **gəlaj**
 1PL поколение-DAT-1PL-OBL много-ACC уметь-**IMPS-PRS-ACC** **нужно**
 ‘В наш век **нужно много знать**’. [Оненко 1980: 178]

В том же значении, что и русские конструкции с модальными предикативами (*нужно, можно, нельзя*), может выступать форма имперсонала в независимом употреблении (см. перечень ее значений в [Стойнова 2016]), ср. пример (23).

- (23) mɑmɑ-ŋgo-j=dɑ gʉsərə-**u-ri**, mɑmɑ-ŋgo-j
 жена-DEST-P.REFL.SG=EMPH рассказывать-**IMPS-PRS** жена-DEST-P.REFL.SG
 ‘Ещё о своей жене **рассказать нужно**, о своей жене’ (nikchub_bio.057)

Сведения о нанайских эквивалентах русских инфинитивных конструкций, зафиксированных в предложениях с переключением кодов, резюмируются в Таблице 3.

Таблица 3. Нанайские эквиваленты русских инфинитивных конструкций, встретившихся в предложениях с переключением кодов

русская конструкция	нанайский: аналитические ср-ва		синтетические ср-ва
	матричный предикат	форма глагола зависимого	
с <i>быть</i> (будущее время)	–	–	форма FUT, PRS
с <i>мочь</i>	<i>mutə-</i>	stem-CVB.SIM	
с <i>начать, стать</i>	<i>təpʃiu-, dərū-</i>		инхоатив на <i>-lO</i> и <i>-psin</i>
с <i>бояться</i>	<i>ŋǝlǝʃi-</i>	stem-PRS-INS-PERS, stem-PRS-ACC-PERS, stem-IMPS-PRS	–
с <i>можно, нужно, нельзя</i>	предикативы: <i>aʃa, gəlaj, aʃāsi</i>	stem-IMPS-PRS, stem-IMPS-PRS-ACC, stem-(IMPS)-CVB.SIM	форма IMPS
с <i>легко</i>	предикативы <i>ʒā,</i>		

	<i>xəŋʲi</i>		
--	--------------	--	--

В Таблице 4 приведены сжатые сведения по основным средствам выражения для всех основных семантических классов матричных предикатов, допускающих в русском языке инфинитивный оборот.

Таблица 4. Нанайские эквиваленты русских инфинитивных конструкций: обобщение

семантический класс матричного предиката	нанайский эквивалент	в выборке с переключением кодов
видо-временные <i>быть</i> и <i>стать</i>	—	да
фазовые глаголы	stem-CVB.SIM	
глаголы возможности и долженствования		да
глаголы желания	stem-PURP-PERS	нет
глаголы движения и изменения позиции (+инфинитив цели)	stem-PURP-PERS, суффикс движения с целью	нет
импликативные глаголы	???	нет
глаголы речи	stem-PRS-CASE-PERS	нет
манипулятивные глаголы	stem-PRS-CASE-PERS, суффикс каузатива	нет
экспериментивные глаголы	stem-PRS-CASE-PERS, stem-IMPS-PRS	да
экспериментивные безличные предикативы	stem-IMPS-PRS, stem-IMPS-PRS-ACC, stem-(IMPS)-CVB.SIM	да
модальные безличные предикативы		да

Из этих двух таблиц следует, что: а) единого средства, которое бы соответствовало всем русским инфинитивным оборотам, в нанайском языке нет; б) нет и единого средства, которое бы соответствовало всем тем инфинитивным оборотам, которые допускают переключение кодов, и никаким другим. При этом закономерность в том, какие именно инфинитивные обороты встретились в выборке, все же наблюдается: это те обороты, которые соответствуют двум нанайским средствам — имперсональной форме (не оформленной падежными аффиксами) и одновременному деепричастию. Следует, однако, как и при обсуждении выше, иметь в виду, что примеров в анализируемой выборке в целом достаточно мало.

6. Нанайские формы имперсонала и одновременного деепричастия

Опишем подробнее формы, оказавшиеся эквивалентами русского инфинитива в зависимом инфинитивном обороте.

Имперсональная форма настоящего времени, помимо зависимой клаузы (как уже было сказано выше), может оформлять и независимую, ср. (24) и (23) выше.

- (24) əj xajgoaso rajxapsi xaj-du bā-o-ri žea-sel-go-i
этот зачем скучно что-DAT находить-IMPS-PRS друг-PL-DEST-P.REFL.SG
'Ах, как скучно! Где бы найти друзей?' (lidtim_muravej.007)

В обоих случаях она вводит значение обобщенного субъекта и дополнительный модальный оттенок. Отметим, что и в независимом употреблении она отчасти функционально схожа с русским инфинитивом. Ср. инфинитив в (24), ср. также (23) с употреблением инфинитива вроде *Мне еще о жене рассказывать*. Русская конструкция с независимым инфинитивом также имеет модальный оттенок и, хотя и не устраняет субъект, но синтаксически понижает его (см. о русском независимом инфинитиве, например, [Wiemer 2017: 281–288]). Еще одно употребление нанайского имперсонала, также сближающее ее с русским инфинитивом, — субстантивированное употребление со значением имени ситуации или объекта ситуации, как в (25):

- (25) xonʰa ulən əsi nʰəpultə žog-do sea-o-ri=da əgʒi
как хороший теперь мех дом-DAT есть-IMPS-PRS=EMPH много
'Как хорошо теперь, пушнины и еды в доме много!'
(nchb_120809_ns_SkazkaDvaStarika.072)

Нанайская форма имперсонала содержит собственно специализированный суффикс имперсонала (-wO~O) и суффикс времени (настоящего или прошедшего), в указанной последовательности. При этом форма имперсонала с аффиксом прошедшего времени возможна только в независимом употреблении, но не в зависимой клаузе и не в субстантивированном употреблении. Но и в независимом употреблении она встречается очень редко. Вполне возможно, что форма имперсонала настоящего времени осознается носителями как нечленимая застывшая форма.

Одновременное деепричастие в основном своем употреблении, в соответствии с названием, обозначает второстепенную ситуацию, одновременную с ситуацией главной клаузы (в некоторых случаях также предшествующую ей), ср. (26). Требуется кореферентности невыраженного субъекта зависимого предиката субъекту главного. Имеет две формы (-mi~-mAri) в зависимости от числа субъекта.

- (26) tuj ta-mia=tani lakečo soŋgo-lo-xa
так делать-CVB.SIM.SG=a Лакичо плакать-INCH-PST
tuj soŋgo-mia=goa ənə-lu-xə-ni
так плакать-CVB.SIM.SG=PTCL идти-INCH-PST-3SG
'Тогда вдруг Лакичо заплакал и, так плача, пошел'.
(lfs_110811_ns_lakicho.030)

7. Нанайский суффикс настоящего времени в нанайском языке и в конструкциях с переключением кодов

Рассмотрим подробнее структуру глагола — вершины инфинитивного оборота. Как было сказано выше, он состоит из нанайской основы, оформленной нанайским суффиксом настоящего времени и (в большинстве случаев) русским суффиксом инфинитива.

Нанайский суффикс настоящего времени не всегда отчетливо различим на поверхностном уровне, поэтому необходимо убедиться, что это действительно он, и оценить, насколько он ожидаем на этом месте исходя из грамматической системы нанайского языка. Ниже кратко приводятся морфонологические характеристики этого суффикса в нанайском языке и перечень его функций. В контексте обсуждения нас прежде всего будет интересовать, какие морфемы могут за ним следовать, употребляется ли он в нефинитных формах (и в каких) и насколько его семантика совместима с семантикой русского инфинитивного оборота.

7.1. Нанайский суффикс настоящего времени: морфонология

Нанайский суффикс настоящего времени присоединяется, как правило непосредственно к лексической основе (вслед за корнем или деривационными суффиксами)¹⁰. За показателем настоящего времени следуют показатели лица-числа или показатели падежа (для некоторых нефинитных употреблений). В некоторых случаях он может быть последним аффиксом в словоформе (см. ниже).

Суффикс имеет алломорфы *-j* (*-i*)~*-ri*~*-ži*~*-či* в зависимости от типа основы. При основах с исходом на краткий гласный он имеет вид *-j* или *-i*. На поверхностном уровне сочетание суффикса настоящего времени с гласным основы часто реализуется как единый дифтонг: *a+j > aĭ*, а для (достаточно частотных) основ на *-i* суффикс обычно вовсе не заметен на поверхностном уровне. Для основ с исходом на долгий гласный или дифтонг суффикс настоящего времени имеет вид *-ri*. При основах на *-n*, *-l* и нескольких основах на гласный используется вариант *-ži*. Наконец, для основ на *-p* выбирается вариант *-či*. См. [Аврорин 1961: 67–71]. Для нас важно, что это морфонологические правила, релевантные конкретно для этого показателя, а не синхронные автоматические правила нанайской фонетики¹¹.

Среди встретившихся инфинитивов с переключением кодов 2 глагола с основой на *-i* (*otoli-m̄* ‘уметь’): в них показатель настоящего времени (если он есть) на поверхностном уровне не вычленяется (как и должно быть, в соответствии с описанными выше правилами). Многие — с основой на краткий гласный (*əpə-j-m̄* ‘идти’): в части из них суффикс произносится не очень отчетливо, хотя и не во всех: в некоторых примерах дифтонг или *-j* звучит очень ясно. Более того, в двух примерах его бесспорное наличие дополнительно подтверждается формой русского инфинитивного суффикса, который реализуется как *-ми*, а не *-ть*, в соответствии с общим правилом русского языка (*-ми* после согласных, включая *-j*: ср. *пойти, найти*): *xuləj-mi* ‘копать’. Есть и примеры на глаголы с другими типами основ, требующих суффикса «согл.+гласн.»: на долгий гласный (*sā-ri-m̄* ‘знать’) и на согласный (*žərči-m̄* ‘есть’). Все они ведут себя в соответствии с нанайскими правилами образования настоящего времени. Это

¹⁰ Исключения — упоминавшаяся выше форма имперсонала (временному суффиксу предшествует суффикс имперсонала) и синтетическая форма отрицания (временному суффиксу предшествует суффикс отрицания).

¹¹ В нанайском языке есть и другие глагольные аффиксы с похожим распределением по основам: суффиксы одновременного деепричастия, отрицания и неперошедшего времени асертива *-A~rA~dA~tA*, императива: *O~rO~dO~tO*. Однако это объясняется их предположительно общей этимологией (см. [Аврорин 1961: 68] о нанайском, а также [Суник 1962: 215–228] и приведенную там библиографию о тунгусских языках в целом), а не действием синхронных фонетических правил. В качестве диахронически исходного восстанавливается вариант суффикса на *r* (реализуемый синхронно только после основ на долгий гласный или дифтонг), сочетание *r* с предшествующим согласным в нанайском языке не встречается, но с кратким гласным в других позициях возможно (ср. *morin* ‘лошадь’). Точно так же синхронными фонетическими правилами не объясняется, почему большая часть глаголов на краткий гласный требует суффикса *-j-i*, а некоторые суффикса *-ži*.

доказывает, что а) русский инфинитивный маркер присоединяется не к чистой основе, б) показатель, к которому он присоединяется, — это действительно показатель настоящего времени (или, по крайней мере, показатель, формально в точности с ним совпадающий).

7.2. Нанайский суффикс настоящего времени: функции

Если, как показано выше, суффикс, оформляющий вершину инфинитивного оборота в конструкциях с переключением кодов, — это действительно нанайский суффикс настоящего времени, то возникает вопрос, почему и в какой роли он в ней появляется.

В нанайском языке обсуждаемый суффикс встречается в финитных формах настоящего времени (широко используемых также и в футуральных контекстах). В них он сопровождается показателями лица-числа субъекта (27), которые, впрочем, в части контекстов могут опускаться.

- (27) әпiә maŋga әnu-s-i-n^j=m=dә
 мать трудно болеть-IPFV-PRS-3SG=QUOT=EMPH
 ‘Мать тяжело **болеет**, говорит’. (nmch_110815_ns_MatJagody.022)

Те же формы настоящего времени (без лично-числового показателя) используются в атрибутивной функции, как причастия настоящего времени (28).

- (28) әnu-si-j әктә=tәni niә-xә-ni boa-či
 болеть-IPFV-PRS женщина=a выходить-PST-3SG на.улице-LAT
 ‘**Болеющая** женщина вышла на улицу’. (mixzar_son_o_smerti.006).

Они же — с падежным и лично-числовым показателем — в качестве имени ситуации выступают в вершине сентенциальных актантов и сирконстантов разных типов (29).

- (29) бәјә-l-i sә-xa-ni әnu-s-i-wә-ni
 тело-LOC-P.REFL.SG знать-PST-3SG болеть-IPFV-PRS-3SG
 ‘Телом своим узнал, **отчего болеет** (букв.: узнал его боление)’. [Бельды & Булгакова 2012: 208, текст 20:32]

В контексте данного обсуждения принципиально, что в этом фрагменте нанайской грамматики, таким образом, отсутствует жесткая граница между финитными и нефинитными формами. Диахронически исходные употребления формы настоящего времени — нефинитные, позже она проникает в систему финитных форм и вытесняет исходную глагольную форму настоящего времени. Последняя («форма настоящего времени утвердительного наклонения» по В. А. Аврорину) используется в современном нанайском языке значительно реже, в особых эмфатических контекстах. См. подробнее в [Аврорин 1961].

Особый тип употреблений форм настоящего времени — в аналитической конструкции имперфекта с глаголом *bi-* ‘быть’ (похожей на русскую конструкцию с *бывало*). Глагол *bi-* ‘быть’ выступает в ней в прошедшем времени, а смысловой глагол — в форме настоящего времени, которая может быть оформлена лично-числовым показателем, но чаще встречается без него (см. [Оскольская 2015]), ср. (30).

- (30) Wәlinә sagzi tul-tul әnu-s-i bi-čin
 Вәлинә старый все.время болеть-IPFV-PRS быть-PST
 ‘Вәлинә был старый и всё время болел’. [Аврорин 1986: текст 44:2]

Тот же суффикс настоящего времени выделяется в форме настоящего времени имперсонала: в ней он следует за специальным суффиксом имперсонала и не сопровождается лично-числовыми показателями (см. выше, разделы 5, 6).

Суффикс настоящего времени парадигматически противопоставлен суффиксу прошедшего времени ($-xA(n), \sim\tilde{c}i(n), \sim\tilde{ki}(n)$), который имеет тот же набор употреблений.

8. Анализ данных

8.1. Модель переключения кодов внутри предложения К. Майерс-Скоттон

Для того, чтобы объяснить наблюдаемые ограничения на переключение кодов в инфинитивном обороте, прояснить внутреннюю структуру фрагментов с переключением кодов и, по возможности, ответить на вопрос о том, почему границы между языками проходят именно в этих местах, ниже будет использован теоретический аппарат, разработанный К. Майерс-Скоттон [Myers-Scotton 1993; 2002; 2004]; [Myers-Scotton & Jake 2009; 2017].

К. Майерс-Скоттон [1993] предлагает асимметричную модель описания переключения кодов на уровне клаузы: Matrix Language Frame Model (MLF). В ней противопоставлены матричный язык (*matrix language, ML*), поставляющий структуру, морфосинтаксическую рамку клаузы, и включенный язык (*embedded language, EL*), из которого могут приходиться содержательные элементы клаузы¹². Модель допускает также т.н. «острова включенного языка» (*embedded language islands*) — составляющие, полностью оформленные по правилам включенного языка. В простом случае матричный язык — это один из взаимодействующих языков («классическое» переключение кодов). В [Myers-Scotton 2002; 2004] в модель добавлено также «составное» (*composite*) переключение кодов, при котором морфосинтаксическая «рамка» составная, сочетающая правила обоих взаимодействующих языков. В этом случае могут менее регулярно соблюдаться принципы, сформулированные для классического переключения кодов.

Основные принципы, регулирующие переключение кодов, таковы.

а) В соответствии с принципом порядка морфем (*The Morpheme Order Principle*), порядок элементов в клаузе с переключением кодов определяется правилами только одного языка, а именно матричного.

б) Принцип системных морфем (*The System Morpheme Principle*) определяет, какие морфемы могут браться из обоих языков, а какие — только из матричного языка. Морфемы Майерс-Скоттон делит на четыре типа (4-M model, [2002: 73 ff.; 2004]): «содержательные» (*content morphemes*, например все именные и глагольные корни); «ранние системные морфемы», уточняющие значение содержательных (*early system morphemes*: часть служебных слов, деривационные и некоторые словоизменяющие аффиксы, например аффиксы числа и рода существительных) и два типа поздних системных морфем: «соединительные», обеспечивающие связность внутри составляющей (*bridges*, например показатели отношений внутри именной группы, такие как англ. *of*) и, наконец, «внешние», указывающие на связь составляющей с внешним синтаксическим контекстом (*outsiders*, например все согласовательные показатели). Термины «ранние» и «поздние» указывают на предполагаемый этап в порождении высказывания, когда в структуре возникает та или иная морфема (подробнее о предполагаемой процедуре порождения предложения с переключением кодов см. [Myers-Scotton & Jake 2014; 2015; 2017]). Строгое ограничение на язык-источник формулируется

¹² Отметим не очень удобную для тематики данной статьи омонимию. «Матричный» будет использоваться в статье и в синтаксическом смысле в сочетании «матричный предикат» (предикат, вводящий сентенциальный акт), и в терминологии переключения кодов в сочетании «матричный язык» (язык, поставляющий основную грамматическую структуру).

только для поздних внешних морфем (late outsider morphemes): они должны принадлежать матричному языку.

в) Принцип неизменной структуры (The Uniform Structure Principle, [2002: 119 ff.]) предполагает, что за каждым типом составляющих (в определенном языке) закреплена определенная неизменная морфосинтаксическая структура, и она должна использоваться каждый раз, когда в речи возникает составляющая этого типа: это обычно структура из матричного языка, в островах включенного языка это может быть структура включенного языка, однако нарушение, видоизменение структуры принципом не предусмотрено.

8.2. Вопрос о матричном и включенном языке

Можно ли описать рассматриваемый в статье случай переключения кодов в рамках этой асимметричной модели¹³, и если да, то к какому типу он относится и какой язык считать в данном случае включенным, а какой матричным?

Стоит оговорить, что модель классического переключения кодов была изначально разработана для другого социолингвистического типа ситуаций переключения: прежде всего на материале пар «матричный язык — родной, основной используемый язык, включенный — менее освоенная лингва-франка». Для ситуации полузабытого родного языка сама Майерс-Скоттон предполагает, что в них может наблюдаться смена матричного языка как на уровне поколений в процессе утраты языка (один матричный язык в текстах носителей старшего поколения и другой в текстах носителей младшего поколения), так и на уровне конкретного носителя, а также “составное” переключение кодов (composite code-switching), для которого возможны отступления от общих правил [2002: 100].

В нашем массиве текстов есть клаузы, для которых можно постулировать матричный нанайский язык, и такие, для которых можно постулировать матричный русский, ср. (31) и (32) из одного текста:

(31) Деда-ž энэ-ј-ру јэ-лэ/
***-INS идти-PRS-1PL этот-LOC
‘С дедом едем здесь’. (vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan) —

ML нанайский

(32) А si сзади толкай/
*** ты *** ***

‘А ты сзади толкай’. (vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan) —
ML русский

А для предложения (33а) из того же текста, видимо, придется постулировать составной матричный язык (т.е. составное переключение кодов). Большая часть лексики и вся морфология взята из нанайского языка, порядок слов нанайский. При этом словоформа *охота-č* ‘на охоту’, будучи оформлена нанайским направительным аффиксом, следует русскому морфосинтаксическому образцу. В нанайском тексте на этом месте ожидался бы глагол ‘охотиться’ (*wājča-* или *boato-*), а не существительное, и, возможно, специальный аффикс движения с целью вместо или наряду с глаголом ‘идти’, ср. (б).

(33) а. Атаохота-č энэ-хэ-ни
отец ***-LAT идти-PST-3SG

¹³ Вопрос о том, всегда ли между языками, вовлеченными в переключение кодов, наблюдается структурная асимметрия, хотя бы на уровне клаузы, остается дискуссионным. См., например, концепцию [Poplack 1980], в которой языки рассматриваются как равно вовлеченные в процесс переключения, или концепцию [Muysken 2000], в которой часть возникающих при переключении структур признается асимметричными (insertion), а часть симметричными (alternation).

‘Отец пошел **на охоту**’. (vsg_151013_ns_70_DedPoshelNaOxotu_rus_nan) — ML составной

Клаузы с разным матричным языком в пределах одного текста не противоречат модели Майерс-Скоттон (единство матричного языка строго требуется в ней только в пределах клаузы), однако это признается нетипичным.

Переключение, наблюдаемое в инфинитивных конструкциях, по крайней мере на первый взгляд, кажется классическим переключением кодов с матричным русским языком и включенным нанайским (не исключено, однако, что морфосинтаксическая рамка отчасти находится и под влиянием нанайского языка).

Главный предикат и его несентенциальные актанты и сирконстанты русские. Нанайский фрагмент синтаксически и отчасти морфологически интегрирован внутрь русского. Его можно, видимо, считать островом или несколькими островами включенного языка (см. обсуждение ниже, раздел 8.3).

Порядок главной и зависимой частей русский. Нейтральный порядок компонентов конструкции для нанайского языка с препозицией зависимого (‘работать начал’), для русского языка — с постпозицией (*начал работать*). В рассматриваемых клаузах с переключением кодов примерно равное количество препозитивных и постпозитивных зависимых (раздел 3). Учитывая, что в русском языке (особенно в спонтанной устной речи) порядок компонентов не жесткий, предсказание о порядке компонентов, соответствующем матричному языку, наблюдаемые данные не нарушают.

Отдельный вопрос: почему, если в текстах VSG встречаются и клаузы с матричным русским, и клаузы с матричным нанайским, для данного конкретного типа конструкций наблюдается только такая конфигурация (т.е. нет конструкций с нанайским матричным предикатом и русским сентенциальным актантом). Ответа у меня нет. Если ожидать русского глагола, интегрированного в нанайскую словоизменительную морфологию, то ограничение может быть связано с тем, что все типы сентенциальных актантов в нанайском языке требуют сложного морфологического оформления зависимого глагола. А в выборке текстов при этом вообще крайне мало русских глаголов, оформленных нанайскими словоизменительными показателями. Если ожидать в сентенциальном актанте русского инфинитива, то можно предположить, что нанайская система «не видит» в нем полного соответствия ни одному из нанайских средств оформления сентенциального актанта.

8.3. Нанайский фрагмент в инфинитивном обороте как остров включенного языка

Все или большинство зависимых инфинитива берутся из нанайского языка и получают нанайское морфосинтаксическое оформление (см. раздел 3). В терминах Майерс-Скоттон это остров или острова включенного языка. Можно ли считать единым островом весь нанайский фрагмент — недооформленный глагол с его зависимыми (*taj najži inəktəj*- ‘над этими людьми смеяться.PRS-’ в примере ниже), и если да, то какова его синтаксическая структура?

(34) (=9) Təj naj-žī in'əktə-j-ть нельзя\
 тот человек-INS смеяться-PRS-*** **
 ‘Над этими людьми смеяться нельзя’.
(vsg_151013_ns_72_NazvaliDegde_rus_nan)

Моделью это не запрещается: Майерс-Скоттон упоминает неполные («внутренние») острова, описывая именные группы с артиклем из матричного языка и всем остальным оформлением из включенного [2002: 149–153].

При этом, по ее наблюдениям, обычно острова включенного языка — это синтаксически периферийные элементы клаузы (адъюнкты), чаще короткие; если остров затрагивает аргументную структуру, то за этим должна стоять какая-то особая дополнительная мотивация (например, это может быть устойчивое сочетание на включенном языке) [2002: 140–141].

Похожий на наши пример приводится в [Myers-Scotton 1993]:

- (35) Ni-ka-wash-ing all the clothing¹⁴
 1SG-CONSEC-мыть-NMLZ все DEF одежда
 ‘Я постирал всю одежду’. [Myers-Scotton 1993: 80], суахили / английский

П. Мэйскин [Muysken 2000: 62], цитируя этот пример, предлагает считать английский фрагмент *-washing all the clothing* единой английской глагольной группой, вставленной в структуру суахили. Он апеллирует при этом к принципу смежности (*adjacency principle*): если в клаузе с переключением кодов встречается последовательность на одном языке, то предпочтителен такой анализ, при котором она считается одной единицей. Сама Майерс-Скоттон [2002: 142–143], однако, отвергает эту интерпретацию и видит здесь два отдельных англоязычных фрагмента: глагольную основу, интегрированную в морфологическую рамку суахили (*-washing*), и остров включенного языка, состоящий только из именной группы (*all the clothing*). В качестве мотивации для образования этого объектного острова называется наличие в группе квантификатора (такие группы, по наблюдениям автора, склонны образовывать острова).

Однако в нашем случае, как было отмечено в разделе 3, аргументы зависимого глагола всегда нанайские, и было бы странно предполагать, что это случайное совпадение и в каждом конкретном случае это обусловлено какой-то отдельной причиной. Логичнее предположить, что недооформленный глагол вместе со своими аргументами все-таки образует единый остров включенного языка.

Что касается сирконстантов, то часть из них приходит из включенного языка (нанайского), а часть из матричного (русского). Примеров очень мало, но в выборе языка видится некоторая закономерность: из двух встретившихся сирконстантов на русском языке оба локативные: *рядом* и *там*, про которые можно считать, что они находятся высоко в синтаксической структуре.

Ср. также пример, в котором зависимый глагол не оформлен русским показателем инфинитива:

- (36) А Витька будет == žapalač-i будет žili-du-ni\
 *** *** *** *** придерживать-PRS *** голова-DAT-3SG
 ‘А Витька будет — держать будет ее за голову’.
 (vs_g_151013_ns_86_RanjshеVKondone_rus_nan)

Применительно к (36) уже нельзя говорить, что русский инфинитив (с нанайским лексическим наполнением) имеет в качестве аргумента нанайскую именную группу. *Žapalači žiliduni* (‘держать ее за голову’) — единый (хотя и разрывной¹⁵) остров включенного языка. Можно считать, что единичные примеры типа (36) устроены иначе, чем основная масса примеров, однако если интерпретировать все примеры одинаково, то единый остров включенного языка нужно постулировать везде.

Еще одно, хотя и более слабое свидетельство в пользу единого острова включенного языка, — порядок слов в инфинитивном обороте. В 9 из 11

¹⁴ Здесь и далее, если в предложении с переключением кодов запись для обоих языков латиницей, разноразноязыковые фрагменты набраны прямым шрифтом и курсивом.

¹⁵ К нему, таким образом, уже не применима логика П. Мэйскина.

предложений с неоднословным инфинитивным оборотом инфинитив внутри оборота находится в постпозиции. Это как будто бы скорее соответствует правилам нанайского языка с базовым (хотя и не строгим) порядком SOV. Если порядок слов нанайский, то это очень сильный аргумент в пользу единого острова включенного языка. При этом следует помнить, о том, что в русской спонтанной устной речи порядок слов очень свободный (т.е. и правила русского, матричного, языка такой порядок напрямую не нарушает).

Как объяснить появление длинного внутреннего острова включенного языка? Из причин, лежащих за пределами морфосинтаксиса, можно назвать упомянутую выше специфику текстов. Основной источник рассматриваемых примеров — это своеобразные тексты, в которых изначальной целью говорящего является рассказ по-нанайски (на языке, который в этом типе предложений оказывается включенным). В этом смысле появление больших нанайских фрагментов не кажется странным.

В [González-Vilbazo & López 2011] предлагается решать похожую проблему, апеллируя к синтаксису, а не к каким-либо правилам, специфичным для переключения кодов. По предсказаниям авторов, выводимым из синтаксической теории, по-разному должны вести себя биклаузальные конструкции и моноклаузальные (авторы рассматривают тип конструкций с «легким глаголом» ‘делать’). Для первых предсказывается поведение элементов зависимой клаузы по правилам, задаваемым зависимым глаголом, т.е. обязательное образование единого острова включенного языка в терминах Майерс-Скоттон. Для вторых — поведение в соответствии с правилами, задаваемыми «легким глаголом», т.е. отсутствие острова включенного языка в терминах Майерс-Скоттон. В работе это предположение подтверждается данными о порядке слов при переключении кодов между испанским и немецким:

(37) Juan hizo bauen ein Haus
 Хуан делать.PST строить.INF INDEF дом
 ‘Хуан построил дом (Juan has a house built)’. [González-Vilbazo & López 2011: 848], испанский / немецкий

(38) Juan hizo a Pedro ein Haus bauen
 Хуан делать.PST PREP Педро INDEF дом строить.INF
 ‘Хуан заставил Педро построить дом’. [González-Vilbazo & López 2011: 848], испанский / немецкий

Для (37) постулируется моноклаузальная конструкция (немецкий фрагмент объема глагольной группы). И в ней порядок слов испанский. Для (38) с тем же глаголом ‘делать’ в значении ‘заставлять’ — биклаузальная. В ней порядок слов немецкий.

Применима ли эта логика к нашим данным? Как кажется, нет. Как показано выше (раздел 4), в этих данных встречаются инфинитивные обороты как раз малого объема, объема глагольной группы. При этом все же сам тот факт, что остров образует именно глагольная конструкция, кажется, далеко не случайным. Видимо, применительно к данному случаю следует считать, что, будучи оформленным русским показателем инфинитива, нанайский глагол, тем не менее, не теряет своих глагольных свойств и, соответственно, требует нанайской же аргументной структуры, которая может идти вразрез с русской. Отсюда, в соответствии с «принципом неизменной структуры», и образование острова¹⁶.

¹⁶ Для легких глаголов, рассматриваемых в [González-Vilbazo & López 2011] это, возможно, не так. Они, видимо, служат специальным средством адаптации иноязычного глагола в морфосинтаксическую структуру — и такой, полностью интегрированный, глагол свои исходные свойства уже утрачивает (и ведет себя как глагол матричного языка). Из этого, а не из различий в

8.4. Ограничения на тип инфинитивного оборота

Еще раз повторим сформулированные выше ограничения на тип инфинитивного оборота, для которого доступно переключение кодов. Это, во-первых, инфинитивные обороты малого объема (предположительно объема глагольной группы).

Во-вторых, это не разносубъектные инфинитивные обороты (это ограничение скоррелировано с первым).

В-третьих, это только те из вышеуказанных инфинитивных оборотов, в которых инфинитив — единственное средство выражения сентенциального актанта (т.е. он не конкурирует с финитной клаузой и не служит средством переключения референции). Это будет важно при обсуждении ниже, в разделах 8.5 и 9.

В-четвертых, переключение кодов отмечено для тех инфинитивных оборотов, которым в нанайском языке соответствует одна из двух стратегий оформления: с помощью одновременного деепричастия (соответствует большинству инфинитивных оборотов с субъектным контролем) и с помощью формы имперсонала (соответствует оборотам с произвольным контролем). Важно, что единого средства, функционально эквивалентного русскому инфинитиву или хотя бы части его употреблений, укладывающейся в сформулированные выше ограничения, в нанайском языке нет.

Чем именно формы имперсонала и одновременного деепричастия противопоставлены прочим? К основным русским конструкциям с манипулятивными глаголами (*заставлять*, *разрешать*) ближе всего в нанайском языке вообще не глагольная конструкция, а аффикс каузатива. Другие формы, маркирующие вершину сентенциального актанта в нанайском языке: причастия и целевая форма — в отличие от имперсонала и одновременного деепричастия, содержат лично-числовой показатель, обслуживающий систему переключения референции. При кореферентности субъекта зависимой клаузы субъекту главной, выбирается показатель рефлексива, в остальных случаях — соответствующий лицу-числу субъекта.

Форма имперсонала содержит показатель настоящего времени (см., впрочем, оговорку в разделе 6), одновременное деепричастие имеет две формы в зависимости от числа субъекта, однако и имперсонал, и деепричастие оказываются ближе к русскому прототипу неизменяемой нефинитной формы. Причем форма имперсонала близка к нему функционально и в других употреблениях: независимом и субстантивированном (см. раздел 6).

Однако, по крайней мере оставаясь в рамках модели матричного языка, нельзя напрямую апеллировать к нанайским конструкциям, описывая ограничения на рассматриваемый тип переключения кодов. Представленная выше логика была бы понятна, если бы речь шла о соответствующих нанайских формах на месте ожидаемого русского инфинитива или хотя бы о сочетании этих форм с русским показателем инфинитива. Тогда можно было бы говорить о том, что при части матричных предикатов переключение кодов блокируется из-за несходства (отсутствия “конгруэнтности”, см. [Sebba 2009]) между типом предиката и формой нанайского зависимого глагола. Но в рассматриваемых примерах и матричный предикат, и показатель инфинитива русский. Исходя из этого, нет оснований предполагать, что говорящий обращается к нанайской, а не только русской морфосинтаксической структуре при построении предложения с переключением

кодов, за исключением острова включенного языка, в который показатель инфинитива не входит.

Некоторые объяснения наблюдаемой картине я постараюсь дать ниже, см. разделы 8.6.2 и 9.

8.5. Русский показатель инфинитива и модель 4-M

Обсудим в терминах Майерс-Скоттон границу между переключаемыми фрагментами. Почему она проходит на стыке морфем, между нанайским показателем настоящего времени и русским показателем инфинитива, и не противоречит ли это модели? Специальный компонент модели Майерс-Скоттон, 4-M model, посвящен классификации морфем и предсказаниям об их способности к переключению (см. выше, раздел 8.1). При этом универсальным отнесение морфемы к тому или иному типу не является. Тип семантически схожих морфем может варьировать от языка к языку и даже различаться для разных употреблений морфемы в одном языке [2002: 81].

Морфологические показатели инфинитива в немецком и французском языках Майерс-Скоттон (рассуждая о примерах их использования внутри финитной словоформы, оформленной словоизменительными показателями матричного языка) относит к ранним системным морфемам [Myers-Scotton 2002: 94–95]; [Myers-Scotton & Jake 2014]. При этом английское инфинитивное *to* — к поздним внешним (*outsiders*), на основании того, что в некоторых конструкциях глагольная форма может выступать без *to* (т.е. необходимость его употребления диктуется внешним контекстом), [2002: 95].

В [Myers-Scotton & Jake 2009: 351–354] специально рассматриваются с этой точки зрения подчинительные союзы в разных языках. Предлагается считать, что они могут относиться к разным типам. Те, форма которых зависит от внешнего контекста (в пример приводится арабский комплементаризер, согласующийся с субъектом зависимой клаузы), авторы относят к внешним поздним морфемам (*outsiders*). Семантически наполненные, модифицирующие значение зависимой клаузы (такие как англ. *because, then*), — к ранним. Семантически пустые, единственная функция которых сводится к связи между главной клаузой и зависимой, — к соединительным (*bridges*). Такого как раз большинство союзов, используемых для введения сентенциального актанта (в пример приводится англ. *that*). Отнесение таких союзов к соединительным морфемам, помогает объяснить, в частности, почему возможны такие предложения, как обсуждаемые в [Belazi et al. 1994], в которых союз приходит из языка зависимой клаузы, а не главной, как ожидалось бы, будь они поздними системными морфемами, (39).

- (39) The professor said
DEF профессор сказать.PST
que el estudiante habia recibido una A
COMP DEF студент AUX получить.PTCP INDEF A
‘Профессор сказал, что студент получил оценку «А»’. [Belazi et al. 1994: 224], английский / испанский

По данным [Myers-Scotton & Jake 2009], комплементаризеры типа английского *that* могут приходиться из обоих языков (и выбор в каждом случае предсказывается какими-то частными факторами). Исходя из модели, для них, как для морфем типа *bridges*, ожидается большая предрасположенность к языку главной клаузы, но не запрещен и язык зависимой клаузы.

Русский суффикс *-ть* в рассматриваемом нами контексте схож с комплементаризерами типа *that*, но с оговорками. Во-первых, это аффикс, а не автономная словоформа. Во-вторых, что еще важнее, он вводит не отдельную

финитную клаузу (а для клаузы в теории Майерс-Скоттон, напомним, в принципе допускается иметь матричный язык, отличный от матричного языка соседней клаузы, даже в пределах сложного предложения), а максимум нефинитную или (в данном случае) составляющую объемом меньше клаузы. Тем не менее, распространяя логику [Myers-Scotton & Jake 2009] на несколько более широкий класс случаев, его, видимо, тоже можно считать соединительной поздней системной морфемой (bridge). Он соединяет между собой элементы внутри составляющей (главную часть с инфинитивным оборотом), и нельзя сказать, что он как-либо уточняет семантику оборота.

Можно ли, однако, сказать, что показатель инфинитива не зависит от внешнего контекста и не является, таким образом, поздней внешней морфемой? Здесь, кажется, уместно разное решение для двух случаев. Как было упомянуто выше, для некоторых инфинитивных оборотов можно считать, что инфинитив в них играет роль показателя переключения референции (выбирается либо инфинитивный оборот, либо союзная финитная клауза в зависимости от кореферентности / некорреферентности субъектов), а для других — зависимый глагол в инфинитиве — единственный возможный вариант. Видимо, соединительной морфемой *-ть* можно считать только для случаев второго типа, а для случаев первого типа нужно говорить о поздней системной морфеме, так как ее выбор зависит от внешнего контекста (кореферентности / некорреферентности субъектов главного и зависимого глаголов).

Выше (раздел 4) было показано, что переключение кодов в выборке как раз и ограничено случаями, когда инфинитив не конкурирует с финитной клаузой, т.е., как теперь становится понятно, случаями, когда *-ть* является соединительной морфемой.

Если это соединительная морфема, то она могла бы быть взята и из нанайского языка и выбор русского *-ть* нуждается в специальном объяснении. Такое объяснение есть. Представленные в выборке матричные предикаты в нанайском языке требовали бы, как показано выше (раздел 5), не какой-то одной, а разных форм зависимого глагола. При этом по правилам матричного, русского языка, зависимый глагол при них должен оформляться единообразно. Выбор русского инфинитива, а не нанайских форм имперсонала и одновременного деепричастия или какой-то одной из них, снимает это противоречие (см. также 8.6.2 ниже).

8.6. Показатель настоящего времени в зависимом глаголе

Основная проблемная точка в инфинитивных конструкциях с переключением кодов — «составная» форма, в которой выступает зависимый глагол. Русский показатель инфинитива присоединяется в ней к нанайскому показателю настоящего времени.

Статус этого временного показателя в составе глагольной словоформы до конца не ясен. Возникают следующие проблемы с его интерпретацией. 1) В русской инфинитивной словоформе такого показателя не должно быть. Из нанайских эквивалентов русского инфинитива этот показатель действительно присутствует в форме имперсонала, но не в форме одновременного деепричастия. При этом в форме имперсонала он следует за имперсональным суффиксом, а не за лексической основой, и, кажется, может вообще не осознаваться носителями как отдельный аффикс (см. раздел 6). 2) Непонятно, какое значение он выражает в инфинитивной конструкции. В обычных употреблениях он достаточно широко используется не только с референцией к настоящему, но и с референцией к будущему, и к вневременной ситуации (см. раздел 7.2). В этом смысле семантике инфинитивного оборота его значение, как кажется, не противоречит: при всех

матричных предикатах, для которых зафиксировано переключение кодов, инфинитивом выражается ситуация, одновременная или следующая во времени за ситуацией, выраженной матричным предикатом¹⁷. Но при этом и необходимость подобного суффикса в словоформе из его значения не следует. 3) Наконец, показатель времени противоречит предполагаемому синтаксическому объему инфинитивного оборота. Если весь инфинитивный оборот ограничен объемом глагольной группы, то внутри нее не должен появляться показатель времени, поскольку характеристика по времени, как принято считать, находится выше в синтаксической структуре.

Анализ затрудняет полифункциональность формы настоящего времени в нанайском языке (см. выше раздел 7.2). Логически есть три варианта интерпретации. 1) Можно считать, что берется форма настоящего времени индикатива без лично-числовых показателей. 2) Можно считать, что берется нефинитная форма имени ситуации настоящего времени, также недооформленная (без показателей падежа и лица-числа). 3) Можно предположить, что в русскую морфосинтаксическую структуру форма настоящего времени интегрируется в своей атрибутивной, причастной ипостаси.

У каждого варианта есть свои плюсы и минусы. С точки зрения морфологии оптимальный вариант третий: если это атрибутивная форма, то не возникает вопроса о том, почему она недооформлена, т.к. в этом употреблении у нее отсутствуют лично-числовые и падежные показатели. С точки зрения семантики этот вариант, наоборот, наиболее проблемный: непонятно, как атрибутивная семантика сочетается с семантикой сентенциального актанта; оптимальный же вариант — второй (имя ситуации). С точки зрения синтаксиса проигрывает первый вариант: индикативная финитная форма не должна встраиваться в инфинитивный оборот, выигрывает снова вторая: имя ситуации — как раз один из способов оформления сентенциальных актантов в нанайском языке (хоть и не соответствующий по функциям русскому инфинитиву). Приведенные рассуждения суммируются в Таблице 5.

Таблица 5. Интерпретация нанайской формы настоящего времени в составе русской формы инфинитива

тип употребления	морфология	семантика	синтаксис
презенс индикатива 'делај(ет)'	–	+/-	–
имя ситуации 'делание'	–	+	+
причастие 'делающий'	+	–	+/-

Возможно два альтернативных подхода к нанайской форме в составе русского инфинитива. Первый: считать, что это в данном контексте чисто формальное десемантизированное образование, служащее лишь для удобства вставки нанайского лексического материала в русскую глагольную рамку. Второй: считать, что эта форма так или иначе сохраняет свои морфосинтаксические и семантические свойства, присущие ей в нанайском языке. Форма атрибутивного причастия и особенно форма презенса индикатива, как видно из таблицы выше, могут быть рассмотрены как потенциальные кандидаты только при первом

¹⁷ За исключением сильнограмматикализованных конструкций, применительно к которым вообще нельзя говорить о двух отдельных ситуациях.

подходе (который снимает семантические и синтаксические проблемы). Форма имени ситуации — и при втором тоже.

8.6.1. Подход 1. Форма настоящего времени как пустая форма

Рассмотрим первый подход (форма настоящего времени как полуглагольная форма, десемантизирование образование, служащее для удобства интеграции нанайского лексического материала) в рамках типологической классификации стратегий морфологической адаптации заимствованных глаголов, разработанной Я. Вольгемутом [Wichmann & Wohlgemuth 2008]; [Wohlgemuth 2009]. Стоит оговорить, что классификация была предложена для случаев лексических заимствований, а в данном случае мы с очевидностью имеем дело именно с переключением кодов. В частности, речь идет о морфологической адаптации нанайской основы конкретно к форме русского инфинитива, а не в целом к парадигме русского глагола (нанайских глаголов, оформленных русскими словоизменительными аффиксами, за пределами разбираемых инфинитивных конструкций в выборке вообще не встретилось). Однако есть свидетельства того, что при переключении кодов могут действовать те же самые или очень похожие механизмы. См. работы [Muysken 2000: 184–220] и [Myers-Scotton & Jake 2014], в которых независимо от Я. Вольгемута на материале корпусов с переключением кодов выявлены примерно те же стратегии морфологической адаптации, правда на уровне отдельных примеров, а не на представительной типологической выборке и в основном для случаев интеграции иноязычной основы в финитную форму, а не в нефинитную, как в нашем случае¹⁸.

Я. Вольгемут классифицирует случаи адаптации заимствованных (из языка L1 в язык L2) глаголов по двум основаниям. Во-первых, выделяются типы адаптации заимствованных глаголов по тому, какое оформление они получают в языке L2. Наш случай в этой классификации можно охарактеризовать как прямую вставку (*direct insertion*): никаких дополнительных русских аналитических или синтетических морфологических средств, к нанайскому глаголу не добавляется, за нанайским материалом непосредственно следует русский показатель инфинитива.

Второе основание для классификации — глагольная форма L1, в которой лексема далее интегрируется в язык L2 с помощью одной из стратегий, перечисленных выше (*input form*). Здесь Я. Вольгемут на типологическом материале выявляет четыре возможных случая: а) абстрактная форма (*abstract form*), не представленная в L1 в независимом употреблении, т.е. без дополнительных словоизменительных аффиксов; б) обобщенная форма (*general form*): какая-то из выделенных «дефолтных» форм (форм цитации), например императив или инфинитив; в) форма со словоизменительными показателями (*inflected form*): одна из форм, которая морфологически почему-либо оказалась удобной для адаптации в L2; г) полуглагольная форма (*semi-verbal form*): например, причастие или масдар.

Как квалифицировать в этих терминах наш случай («основа + аффикс настоящего времени») и можно ли его вообще квалифицировать в этих терминах — вопрос более сложный. Напомним, что Я. Вольгемут рассматривает заимствования, а не переключение кодов: в этой ситуации форма L1, попадая в L2, полностью утрачивает свое исходное значение (например, значение императива) и ее выбор диктуется не семантикой, а прежде всего парадигматическим статусом (дефолтная форма, нефинитная форма) и / или морфонологическими свойствами. При переключении кодов это совсем необязательно. Однако, если удастся удачно вписать наш случай в типологию Я. Вольгемута и предложить формальное, а не

¹⁸ См. также подробное рассмотрение отдельных типов адаптации глаголов при переключении кодов в недавних работах [Myers-Scotton & Jake 2017]; [Alexiadu 2017].

семантическое объяснение выбора этой формы, то это будет серьезным аргументом в пользу того, чтобы считать показатель настоящего времени в ее составе частично или полностью десемантизированным. Если считать, что форма восходит к употреблению в функции финитного глагола или имени ситуации, то наш случай квалифицируется как «абстрактная форма» (а), если считать, что к атрибутивному употреблению, то как «полуглагольная форма» (г). В [Myers-Scotton & Jake 2014] утверждается, что именно «полуглагольные» формы легче всего интегрируются в глагольную «рамку» другого языка при переключении кодов. Это объясняется в работе тем, что «полуглагольный» статус обеспечивает отсутствие конкуренции между структурами двух взаимодействующих языков (при переключении кодов этот фактор, видимо, более значим, чем при заимствовании).

Можно ли считать выбор этой формы морфонологически мотивированным? На ее месте можно было бы представить другие основные нефинитные формы: форму прошедшего времени, форму имперсонала настоящего времени, форму одновременного и разновременного деепричастий, — а также чистую основу глагола. Разновременное деепричастие и особенно форма прошедшего времени, помимо того, что они совсем не сочетаются с инфинитивом семантически (выражают предшествование), плохо сочетаются с русским показателем инфинитива морфонологически. Показатель разновременного деепричастия в одной из реализаций оканчивается на *-ə* (такого исхода основы в ударном варианте у русских основ нет), показатель прошедшего времени — на *-n*. Чистая основа также вызывает морфонологические проблемы: она может иметь разные исходы (см. раздел 7.1), в том числе недопустимые для русской основы инфинитива. Одновременное деепричастие и имперсонал сочетаются с русским показателем инфинитива даже лучше, чем форма настоящего времени: обе формы оканчиваются на *-i* — регулярный частотный исход русской основы инфинитива. Показатель настоящего времени также оканчивается либо на *-i*, либо (от довольно значительной части основ) на *-j*. Исход на *-j* не самый обычный для русских основ инфинитива, хотя и не невозможный (ср. *пойти* и другие дериваты от глагола *идти*).

8.6.2. Подход 2. Форма настоящего времени в исходной функции

Таким образом, как показано выше, очевидной чисто морфологической мотивации для выбора формы настоящего времени все же постулировать не удастся. Есть и более серьезные аргументы против первого подхода. Это, во-первых, наличие «инфинитивных оборотов» без показателя инфинитива, во-вторых, образование единого острова включенного языка в инфинитивном обороте.

Примеров без показателя инфинитива (но с суффиксом настоящего времени), как в (3), в выборке всего два — и пока не до конца понятно, как их интерпретировать (см., однако, ниже). Однако сам факт их наличия говорит как минимум о том, что морфологическая адаптация к показателю инфинитива не первопричина появления показателя настоящего времени на зависимом глаголе.

Аргументация в пользу интерпретации нанайского фрагмента в инфинитивном обороте как единого острова включенного языка была приведена выше (раздел 8.3). Его появление сложно объяснить, если предполагать, что нанайская форма в составе русской инфинитивной формы полностью утрачивает морфосинтаксические свойства, наследуемые из нанайского языка и служит простым лексическим наполнением русского глагола.

Следовательно, удобно считать, что форма с показателем настоящего времени встраивается в русскую модель в своей (более-менее) исходной функции,

не утрачивая своих глагольных свойств и, в частности, сохраняя информацию о нанайской модели управления. Если это так, то это может быть, как показано выше, только форма отглагольного имени (без лично-числового и падежного оформления).

Как объяснить ее появление в инфинитивном обороте? Рассмотрим сначала маргинальный случай, когда показателя инфинитива в глагольной словоформе нет. Он кажется в данном случае даже проще для интерпретации. Здесь мы видим русский матричный предикат, управляющий некой нанайской глагольной формой, которая в самом нанайском языке в этой функции (по крайней мере без падежного и лично-числового оформления) не используется. Что могло бы быть на ее месте? Видимо, либо форма имперсонала, либо форма одновременного деепричастия, которые требуются при данных матричных предикатах в нанайском языке. С функциональной точки зрения на их фоне форма настоящего времени кажется компромиссным выбором. Русские правила диктуют единообразное оформление зависимого глагола при всех матричных предикатах, которые в русском языке вводят инфинитивный оборот. Если в качестве этой единой формы была бы выбрана либо форма имперсонала, либо форма одновременного деепричастия, то это противоречило бы уже нанайским правилам: они требуют распределения этих двух средств по двум разным группам матричных предикатов (раздел 5). Можно предположить, что выбор нейтральной нефинитивной формы, которая в нанайском языке не может оформлять зависимый глагол ни при первой группе матричных предикатов, ни при второй, обеспечивает возможность избежать этого конфликта двух грамматических систем (см. раздел 8.5). М. Себба, рассуждая о возможностях переключения кодов в случае отсутствия «конгруэнтности» между морфосинтаксическими системами взаимодействующих языков, говорит о подобных стратегиях переключения кодов как о «компромиссных стратегиях» [Sebba 2009].

Следуя той же логике и продолжая рассуждать в терминах М. Себбы, можно объяснить и отсутствие в форме отглагольного имени ожидаемого в нанайском языке падежного и лично-числового оформления. Начнем с лица и числа (при субъектном контроле ожидался бы показатель рефлексива). Здесь опять можно говорить о компромиссной стратегии: наличие лично-числового маркирования в этом фрагменте грамматики (да еще со сложной системой переключения референции) идет вразрез с русской системой. Что касается падежа, то здесь в терминах М. Себбы можно говорить о стратегии «нейтрализации». Форма падежа для имени ситуации выбирается в зависимости от семантического типа зависимой клаузы. Какого падежа можно было бы ожидать в данном случае (когда в норме имя ситуации вообще не употребляется) непонятно, поэтому, видимо, падежное оформление блокируется вовсе (впрочем, и конфликт с русской системой, где нет никаких аналогов подобного оформления зависимого предиката, тоже имеет место).

Перейдем теперь к основному случаю: форма настоящего времени имени ситуации с русским показателем инфинитива. Если все вышесказанное верно, то можно предположить, что здесь мы имеем дело со своего рода дублированием (которое достаточно часто встречается при переключении кодов, см. его интерпретацию в модели MFL в [Myers-Scotton 2002: 91–93]). Глагол уже оформлен нанайским показателем настоящего времени, который в этом контексте, получается, выполняет роль маркера синтаксической зависимости (в данном случае можно считать, что даже не нанайского, а приходящего из «составной» морфосинтаксической рамки, т.е. переключение кодов «составное»). Дальше к нему же прибавляется функционально эквивалентный русский показатель.

9. Заключение

Итак, в работе был рассмотрен один интересный случай переключения кодов внутри предложения: переключение кодов в инфинитивной конструкции. Данные, полученные из текстов, записанных от двуязычного носителя горинского говора нанайского языка, обнаруживают следующую модель переключения кодов. Матричный предикат оказывается русским, нанайский зависимый глагол оформляется нанайским показателем настоящего времени и (обычно) русским показателем инфинитива, аргументы нанайского глагола приходят из нанайского языка и оформлены по нанайским правилам.

Представленное выше описание показывает, что нанайский и русский языки достаточно далеки друг от друга в данном фрагменте грамматики. Каким образом возникает морфосинтаксическая структура, зафиксированная в наших примерах с переключением кодов, насколько она следует структуре русского и нанайского языков? Откуда берется и для чего служит нанайский показатель настоящего времени?

Приведенный в работе анализ заставляет предполагать в рассматриваемом случае следующую структуру. Язык, из которого приходит основная морфосинтаксическая «рамка» предложения, — русский. Нанайский фрагмент в инфинитивном обороте представляет собой единую составляющую, оформленную по правилам нанайского языка («остров включенного языка»). Суффикс настоящего времени появляется в словоформе постольку, поскольку она интерпретируется как имя ситуации, в нанайском языке оформляющее зависимые клаузы разных типов. Однако в этой конкретной форме (без показателей падежа и лица-числа) и конкретно при таких матричных предикатах имя ситуации в нанайском языке не выступает, здесь можно говорить о «компромиссной стратегии» взаимной адаптации двух грамматических систем (нанайской и русской) или о «сложном переключении кодов». К этой форме в большинстве случаев добавляется русский аффикс инфинитива, который можно рассматривать как дублирующий нанайский аффикс имени ситуации.

Переключение кодов, затрагивающее глагол, — одна из наиболее интересных областей в морфосинтаксическом исследовании переключения кодов, поскольку это центральный и обычно самый сложный фрагмент морфосинтаксической системы и часто это как раз то место, где грамматические системы двух языков, вовлеченных в переключение кодов, максимально противоречат друг другу. Что рассмотренные данные добавляют к представлениям о морфосинтаксической интеграции глагола при переключении кодов?

В недавних работах [Myers-Scotton & Jake 2014; 2017] разработана довольно подробная типологически ориентированная классификация таких случаев. Она оказывается очень похожа на классификацию типов морфологической адаптации заимствованных глаголов Я. Вольгемута [Wohlgemuth 2009]. Это неслучайно: авторы видят в качестве центрального случай, когда при переключении кодов глагол из одного языка полностью теряет свои морфосинтаксические свойства, присущие ему в этом языке, и служит лишь лексическим наполнением морфосинтаксической рамки другого языка (как при заимствовании). Только при такой ситуации, по мнению авторов, удастся избежать острого конфликта между двумя грамматическими системами и переключение кодов становится возможно.

Наши данные демонстрируют совершенно иную ситуацию. Здесь тоже происходит интеграция нанайского глагольного материала в русскую морфосинтаксическую рамку (оформление русским показателем инфинитива). Однако утраты исходных морфосинтаксических свойств нанайского глагола не происходит. Нельзя говорить о простой вставке лексемы: нанайский глагол

выступает в не утратившей своих исходных функций (хотя и частично реинтерпретированной) нанайской форме и не просто вставляется в русскую рамку на уровне отдельной словоформы, а требует оформления всей глагольной группы по правилам нанайского языка.

Видимо, такое ослабление ограничений на переключение кодов возникает потому, что здесь мы имеем дело с интеграцией глагола не в финитный контекст, а в нефинитный (говоря неформально, обладающий меньшим набором прототипических предикативных свойств).

Неслучайными с этой точки зрения кажутся обнаруженные (хотя и, к сожалению, на очень небольшой выборке текстовых примеров) ограничения на тип инфинитивного оборота. Это, во-первых, обороты наименьшего синтаксического объема — объема глагольной группы, а не клаузы (для таких оборотов предикативные свойства еще более редуцированы). Во-вторых, это такие конструкции, для которых инфинитивное оформление зависимого глагола — единственно возможный выбор. В них показатель инфинитива можно считать не «поздней системной морфемой» в терминах Майерс-Скоттон (обращающейся к внешнему синтаксическому контексту), а «соединительной». Про такие морфемы, в отличие от морфем первого типа, можно предполагать, что, присоединяясь к глаголу из другого языка, они в меньшей степени навязывают ему чужую морфосинтаксическую рамку и конфликтуют с его исходными морфосинтаксическими характеристиками.

Литература

- Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.; Л.: Наука, 1961. [Avrorin V. A. *Grammatika nanaiskogo yazyka* [Nanai grammar]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Nauka, 1961.]
- Аврорин 1986 — Аврорин В. А. Материалы по нанайскому языку и фольклору. Л.: Наука, 1986. [Avrorin V. A. *Materialy po nanaiskomu yazyku i fol'kloru* [Nanai language and folklore materials]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Бельды & Булгакова 2012 — Бельды Р. А., Булгакова Т. Д. Нанайские сказки. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien/SEC Publ., 2012. [Bel'dy R. A., Bulgakova T. D. *Nanaiskie skazki* [Nanai tales]. Norderstedt: Verlag der Kulturstiftung Sibirien/SEC Publ., 2012.]
- Блинова 1993 — *Полный словарь Сибирского говора*. Т. 2. И – О / гл. ред. И. О. Блинова. Томск: Изд. Томского унив., 1993. 302 с.
- Брицын 1990 — Брицын В. М. *Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке*. Киев: Наукова думка, 1990. [Bricyn V. M. *Sintaksis i semantika infinitiva v sovremennom russkon jazyke* [Syntax and semantics of infinitives in Russian]. Kiev: Naukova dumka, 1990.]
- Герасимова 2002 — Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России. Сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири, 12, 2002. С. 246–257.
- Герасимова 2006 — Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским. Дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2006. [Gerasimova A. N. *Polipredikativnye konstruktsii nanaiskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim. Kand. diss.* [Polipredicative structures of Nanai compared with Ulch]. Novosibirsk: Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006.]
- Герасимова 2015 — Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке. *Типология*

морфосинтаксических параметров. *Материалы международной конференции ТМП-2015*. Вып. 2. М.: МПГУ, 2015. Сс. 47–61. [Gerasimova A. A. Licenzirovaniye otricatel'nykh mestoimenij čerez granicu infinitivnogo oborota v russkom jazyke [Control of negative items in infinitive constructions in Russian]. *Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of TMP-2015*. Vol. 2. Moscow: MPGU, 2015. Pp. 47–61.]

Герасимова 2016 — Герасимова А. А. Категориальный и аргументный статус актантных инфинитивных оборотов в русском языке // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 10. 2016. Сс. 55–69. [Gerasimova A. A. Kategorial'nyj i argumentnyj status aktantnyh infinitivnyh oborotov v russkom jazyke [Infinitival complement constructions in Russian]. *Proceeding of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*. Vol. X. 2016. Pp. 55–69.]

Гусев 2004 — Гусев В. Ю. Целевые конструкции при глаголах движения: актанты или сирконстанты? *International symposium on typology of the argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Kazan State University, May 11–14, 2004. [Gusev V. Ju. Celevyje konstrukcii pri glagolah dviženija: aktanty ili sirkonstanty? [Purpose constructions with motion verbs: arguments or adjuncts?]. *International symposium on typology of the argument structure and grammatical relations in languages spoken in Europe and North and Central Asia*. Kazan State University, May 11–14, 2004.]

Летучий 2018 — Летучий А. Б. Предикативы. Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск III. Части речи и лексико-грамматические классы. СПб.: Нестор-История, 2018. Сс. 136–192. [Letuchiy A. B. Predikativy [Predicatives]. *Preliminaries to the corpus-based grammar of Russian*. Vol. III. Parts of speech and minor classes. Sankt-Petersburg: Nestor-Istoria, 2018. Pp. 136–192.]

Меновщиков Г. А. К вопросу о проницаемости грамматического строя языка // *Вопросы языкознания*, 5, 1964. С. 100–106.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]

Оненко 1980 — Оненко С. Н. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980. [Onenko S. N. *Nanaisko-russkii slovar'* [Nanai—Russian dictionary]. Moscow: Russkii yazyk, 1980.]

Оскольская & Стойнова 2012 — Оскольская С. А., Стойнова Н. М. Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке. *Проблемы языка*. Вып. 1. М.: ИЯз РАН, 2012. [Oskolskaya S., Stoynova N. Inchoatives in Nanai. *Problems of Language*. Vol. 1. Moscow: IL RAS, 2012.]

Оскольская 2015 — Оскольская С. А. Грамматикализация глагола bi- ‘быть’ в нанайском языке. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Вып. XI. № 3. СПб.: Наука, 2015. Сс. 743–754. [Oskolskaya S. Grammaticalizacija glagola bi- v nanajskom jazyke [The grammaticalization of the verb bi- ‘to be’ in Nanai]. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XI. № 3. Sankt-Petersburg: Nauka, 2015. Pp. 743–754.]

Пекелис 2002 — Пекелис О. Е. *Субъект зависимого инфинитива в русском и итальянском языках (проблема контроля)*. Дипломная работа. М.: РГГУ, 2002. [Pekelis O. *Subjekt zavisimogo infinitiva v russkom i italjanskom jazykah (problema kontrolja)* [Control of infinitives in Russian and Italian]. Master thesis. Moscow: RSUH, 2002.]

Рудницкая, в печати — Рудницкая Е. Л. Лексические заимствования из русского языка и модель управления в эвенкийском языке // *Языки России в контакте с русским языком*. Труды ИРЯ РАН, 23. В печати.

- Стойнова 2016 — Стойнова Н. М. Имперсональные конструкции в нанайском языке: актантные преобразования, модальность, хабитуалис. *Acta Linguistica Petropolitana, Труды Института лингвистических исследований РАН*. Vol. XII. № 1. СПб: Наука. 2016. Сс. 679–691. [Stoynova N. Impersonaljnije konstrukcii v nanajskom jazyke: aktantnyje preobrazovanija, modalnostj, habitualis [Impersonal constructions in Nanai: valency-changing, modality, genericity. *Acta Linguistica Petropolitana*. Vol. XII. № 1. Sankt-Petersburg: Nauka, 2016. Pp. 679–691.]
- Стойнова 2017 — Стойнова Н. М. Аналитическая конструкция будущего времени. *Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории*. СПб.: Нестор-История, 2017. Сс. 344–437. [Stoynova N. Analitičeskaja konstrukcija buduščego vremeni [Periphrastic future]. *Preliminaries to the corpus-based grammar of Russian*. Vol. II. Sankt-Petersburg: Nestor-Istoria, 2018. Pp. 344–437.]
- Сумбатова, Гусев 2016 — Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю. Ульчский язык // *Михальченко В.Ю.* (гл. ред.). Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 513–515.
- Суник 1962 — Суник О. П. *Глагол в тунгусо-маньчжурских языках*. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1962. [Sunik O. P. *Glagol v tunguso-manjčžurskih jazykah* [Verb in Tungus-Manchu languages]. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1962.]
- Холодилова 2015 — Холодилова М. А. Грамматикализация русских модальных глаголов. *Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Вып. XI. № 1. 2015. Сс. 369–399. [Kholodilova M. Grammatikalizacija russkih modalnyh glagolov [The grammaticalization of modal verbs in Russian]. *Acta linguistica Petropolitana*. Vol. XI. № 1. 2015. Pp. 369–399.]
- Alexiadu 2017 — Alexiadu A. Building verbs in language mixing varieties. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2017. Vol. 36. № 1. Pp. 165–192.
- Babby 1998 — Babby L. H. Subject control as direct predication: Evidence from Russian. *Formal approaches to Slavic linguistics: The Connecticut meeting*, 1998. Pp. 17–37.
- Belazi et al. 1994 — Belazi H. M., Rubin E. J., Toribio A. J. Code switching and X-bar theory: The functional head constraint. *Linguistic Inquiry*. Vol. 25. № 2. Pp. 221–237.
- Golovko E. A case of nongenetic development in the Arctic area: The contribution of Aleut and Russian to the formation of Copper Island Aleut // Jahr E. H., Broch I. (Eds.) *Language Contact in the Arctic: Northern Pidgins and Contact Languages*. Berlin — New York: Mouton de Gruyter, 1996. P. 63–78.
- Golovko E. Mednij Aleut or Copper Island Aleut: An Aleut-Russian mixed language // Bakker P, Mous M. (Eds.) *Mixed Languages: 15 Case Studies in Language Intertwining*. Amsterdam: IFOTT, 1994. P. 113–121.
- Golovko, Vaxtin 1990 — Golovko E. V., Vaxtin N. B. Aleut in contact: the CIA enigma // *Acta Linguistica Hafniensia*, 22, 1990. P. 97–125.
- González-Vilbazo & López 2011 — González-Vilbazo K., López L. Some properties of light verbs in code-switching. *Lingua*. 2011. Vol. 121. № 5. Pp. 832–850.
- MacSwan 1997 — MacSwan J. A Minimalist Approach to Intrasentential Code Switching: Spanish-Nahuatl Bilingualism in Central Mexico. PhD dissertation. Los Angeles: University of California, 1997.
- Muysken 2000 — Muysken P. *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton & Jake 1995 — Myers-Scotton C., Jake J. Matching lemmas in a bilingual language competence and production model: evidence from intrasentential code switching. *Linguistics*. Vol. 33, № 5.
- Myers-Scotton & Jake 2014 — Myers-Scotton C., Jake J. Nonfinite verbs and negotiating bilingualism in codeswitching: Implications for a language production model. *Bilingualism, Language and Cognition*. Vol. 17. Pp. 511–525.

- Myers-Scotton & Jake 2015 — Myers-Scotton C., Jake J. Cross-language asymmetries in codeswitching patterns: Implications for a bilingual language production model. *Cambridge handbook of bilingual processing*. Schwieter J. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Pp. 416–458.
- Myers-Scotton & Jake 2017 — Myers-Scotton C., Jake J. The 4-M model revisited: Codeswitching and morpheme election at the abstract level. *International Journal of Bilingualism*. Vol. 21. Pp.340–366.
- Myers-Scotton 1993 — Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching*. Oxford; New York: Oxford University Press, 1993.
- Myers-Scotton 2002 — Myers-Scotton C. *Contact linguistics: Bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2002.
- Myers-Scotton 2004 — Myers-Scotton C. Precision tuning of the Matrix Language Frame (MLF) Model of codeswitching. *Sociolinguistica*, Vol. 18. Pp.106–117.
- Poplack 1980 — Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL: Toward a typology of code-switching. *Linguistics*. Vol. 18. № 7–8. Pp. 581–618.
- Sebba 2009 — Sebba M. On the notions of congruence and convergence in code-switching. *The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching*. Bullock B. E., Toribio A. (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Timm 1975 — Timm L.A. Spanish-English Code-Switching: El Porqué y How-Not-To // *Romance Philology*, 28(4), 1975. P. 473–482.
- Wichmann & Wohlgemuth 2008 — Wichmann S., Wohlgemuth J. Loan verbs in a typological perspective. *Aspects of Language Contact. New Theoretical, Methodological and Empirical Findings with Special Focus on Romancisation Processes*. // Stolz T., Palomo R.S., Bakker D. (eds.). Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2008. P. 89–121.
- Wiemer 2017 — Wiemer B. Main clause infinitival predicates and their equivalents in Slavic. *Infinitives at the Syntax-Semantics Interface: A Diachronic Perspective*. Jedrzejowski L., Demske U. (eds.). Berlin: de Gruyter, 2017. Pp. 225–338.
- Wohlgemuth 2009 — Wohlgemuth J. *A Typology of Verbal Borrowings*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; ASSERT — асертив; AUX — вспомогательный глагол; CASE — падеж; COMP — комплементаризатор; CONSEC — консекутив; CVB — деепричастие; DAT — датив; DEF — определенность; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; EMPH — эмфаза; HAB — хабитуалис; IMPS — имперсонал; INCH — инхоатив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IPFV — имперфектив; LAT — латив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; NPST — непрошедшее время; OBL — косвенный падеж; P — посессивность; PERS — лицо; PL — множественное число; PREP — предлог; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PURP — целевая форма; QUOT — цитатив; RECIP — реципрок; REFL — рефлексив; REP — рефактив; SG — единственное число; SIM — одновременность.